

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Тихоокеанский государственный университет

Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение

**Препринт научного доклада
А.Н.Демьяненко, И.Ф.Ярулин,
М.В.Бурик, М.В.Клиценко**

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 327(470+571+510)
ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Кит)
Р76

*Утверждено к печати
Учёным советом Института социально-политических технологий и коммуникаций
Тихоокеанского государственного университета*

*Проект реализован при поддержке внутреннего гранта ТОГУ:
8.22 ТОГУ «Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях:
дальневосточное измерение» стратегического плана развития университета
до 2030 года «Приоритет 2030»*

Р76 **Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение** : препринт научного доклада / А.Н. Демьяненко, И.Ф. Ярулин, М.В. Бурик, М.В. Клиценко ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Тихоокеан. гос. ун-т. — Москва : Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. — 70 с.

ISBN 978-5-8381-0455-7
DOI 10.48647/IFES.2022.93.73.007

Происходящие в настоящее время глобальные изменения как в системе международных отношений, так и внутристрановые изменения, все чаще подтверждают тезис о том, что важнейшее значение в этих трансформациях играют процессы, связанные с перераспределением роли и значения регионов. Возрастание роли регионов в эволюции международного сообщества и в жизнедеятельности многих современных государств в конечном счете сопровождается формированием новой конфигурации складывающегося миропорядка. Только используя потенциал научных концепций и идей, а также аналитического инструментария, имеющегося в настоящее время в отечественной и зарубежной науке (политологии, экономике, географии, социологии, культурологии), можно сформулировать основные положения методологической платформы междисциплинарного синтеза, которая позволила бы не только описать, но и объяснить современное состояние российско-китайского сотрудничества и наметить возможные сценарии на уровне макрорегионов.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся перспективами укрепления российско-китайского сотрудничества в его региональном измерении.

**УДК 327(470+571+510)
ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Кит)**

ISBN 978-5-8381-0455-7

© Тихоокеанский государственный
университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	4
Введение	8
1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ	15
1.1. От КВЖД до японской оккупации Маньчжурии	15
1.2. Конец 1940-х — 1950-е годы	21
1.3. Конец 1980-х — середина 2010-х годов	23
1.4. Поворот на Восток или поворот на Китай?	29
2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	38
2.1. Анализ источников информации и аналитических инструментов	38
2.2. Обзор методологических подходов, используемых в исследовании российско-китайского сотрудничества на региональном уровне	39
3. КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АТР	42
3.1. Ключевые факторы сотрудничества	42
3.2. Основные направления российско-китайского сотрудничества	43
4. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОК КИТАЯ. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА	45
Примечания	48
Литература	60

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Региональный фактор уже в течение нескольких веков является одним из важнейших в российско-китайском сотрудничестве. Это объясняется тем, что общая граница двух наших держав, хотя и является одной из самых протяжённых в мире, всегда была в значительной степени удалена от обеих столиц, что давало возможность региональным администрациям и экономическим игрокам взаимодействовать с высокой степенью автономности. Взаимодействие между северо-восточными провинциями Китая и дальневосточными регионами России всегда было интенсивным и во многом способствовало сближению двух великих евразийских держав в XX столетии¹.

Сегодня региональное сотрудничество между КНР и Россией привлекает к себе всё больше внимания в связи с переориентацией внешней и внешнеэкономической политики нашей страны на Восток — и прежде всего на Китай, ставший крупнейшим экономическим и торговым партнёром России. Интересы КНР и России в этом смысле совпадают: обе страны максимально заинтересованы в развитии приграничных регионов, степень развития инфраструктуры и качества жизни которых пока не достигает уровня центральных районов — Европейской части России или восточного побережья КНР. В этом смысле как Пекин, так и Москва считают для себя приоритетными проекты, имеющие целью развитие приграничного и межрегионального сотрудничества.

Одним из важных показателей такой заинтересованности — рост репутации и престижа Восточного экономического форума (ВЭФ),

---

¹ Фэн Ш., Цуй Х. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы. Россия в глобальной политике. 30.09.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvitie-dalnego-vostoka-i-kitajsko-rossijskie-otnosheniya-novoe-videnie-i-novye-podhody/>

ежегодно проводимого во Владивостоке. На площадке ВЭФ с каждым годом растёт число зарубежных участников из стран АТР, растёт и количество инициатив и проектов, заявленных его участниками. Многие из этих проектов имеют международное измерение и касаются развития межрегионального сотрудничества.

В 2022 г. важным фактором развития такого сотрудничества стало открытие новых логистических возможностей для торговли России и Китая. Именно в течение этого года были открыты два новых моста через Амур, соединяющих две страны. В апреле был завершён и в ноябре открыт для эксплуатации железнодорожный мост Нижнеленинское — Тунцзян, в июне грузы принял первый в истории автомобильный мост через Амур Благовещенск — Хэйхэ. Помимо своей общегосударственной важности эти проекты, безусловно, будут иметь важнейшее значение для регионального взаимодействия.

Не менее важное значение имеет и будет иметь развитие путепроводной инфраструктуры между Россией и её восточными соседями — Монголией и КНР. В истекшем 2022 г. газопровод «Сила Сибири» дотянулся до Шанхая, установив исторический рекорд по экспорту российского газа в Китай². Быстрыми темпами идёт разработка «Силы Сибири — 2», который способен уже к концу десятилетия существенным образом изменить всю экономическую карту Евразии. Обе страны настроены на реализацию и других масштабных проектов, которые непосредственно затрагивают судьбу российского Дальнего Востока, Восточной Сибири, северо-западных и северо-восточных провинций Китая.

По итогам 2022 г. товарооборот между РФ и КНР приблизился к 200 млрд долл., и можно ожидать его дальнейшего динамичного роста в 2023 г., в том числе достижения отметки в 1 млн т в год³.

Безусловно, наряду с достижениями в данной сфере накапливаются и проблемы, требующие осмысленного и долгосрочного решения. Экономики и хозяйственно-управленческие системы России и её соседей весьма разные, что требует выстраивания методологии их сравнительного исследования, прогнозирования развития, реакции

---

² Колоскова А. Газпром установил исторический рекорд суточных поставок газа в Китай по «Силе Сибири». Время новостей, 10.12.2022. URL: <https://vm.ru/news/1017753-gazprom-ustanovil-rekord-sutochnyh-postavok-rossijskogo-gaza-v-kitaj>

³ Между Россией и Китаем открыли первый автомобильный мост. ТАСС. 10.06.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14875585>

на изменения⁴. России необходима единая выверенная стратегия взаимодействия со своими восточными партнёрами в новых условиях. Такая стратегия должна основываться на глубоких научных исследованиях с привлечением наиболее эффективных междисциплинарных подходов, которым и посвящена настоящая работа. Методология научного анализа и описания современного состояния межрегиональных связей, потребностей регионов, прогнозов их развития является важным инструментом подготовки такой стратегии, так как создаёт прочную научную базу для всей последующей деятельности как на региональном, так и на общегосударственном уровне.

Институт Китая и современной Азии РАН придаёт большое значение подобного рода методологическим исследованиям и работам, считая их базовым элементом формирования новой восточной стратегии России. Работая в плотной связке с МИД РФ, Администрацией Президента РФ, Министерством РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики и его подведомственной организацией «Востокгосплан», Институт также активно вовлекается в совместные проекты с региональными университетами и научными центрами Сибири и Дальнего Востока, способствуя по мере сил продвижению научных и практических проектов в данной области. В этом смысле сотрудничество между ИКСА РАН и ИСПТиК ТОГУ в рамках реализации последним программы развития «Приоритет 2030» представляется весьма перспективным и отвечает интересам не только обоих участников, но и всего российского востоковедения.

Сегодня Россия имеет все шансы реализовать вековую мечту о «прорыве» в стремительно развивающийся АТР и стать ведущим игроком в одном из самых динамичных макрорегионов мира. «Разворот на Восток», о котором много говорится в настоящей монографии, позволит уделить существенно больше внимания развитию экономических, торговых, транспортно-логистических, международных инвестиционных проектов на Дальнем Востоке и в Сибири, завязанных на быстрорастущее сотрудничество со странами АТР — прежде всего, но не исключительно, с Китаем. Сама логика развития современной геополитики и мировой экономики указывает на то, что именно восточные регионы России могут стать главным бенефициаром переориентации экономических и торговых связей страны, так что в среднесрочной и

---

⁴ Рензин О.М. Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 8—12.

долгосрочной перспективе можно ожидать как существенного роста объёма внутренних и иностранных инвестиций, так и реализации крупных российских и международных инфраструктурных проектов в регионе. Мы верим, что усилия научного сообщества в сотрудничестве с органами региональной и федеральной власти, с зарубежными партнёрами и коллегами могут в значительной степени способствовать осуществлению этих целей.

*К.В. Бабаев, д.ф.н., проф.,
и.о. директора Института Китая
и современной Азии РАН*

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие в настоящее время глобальные изменения как в системе международных отношений, так и внутристрановые изменения, все чаще подтверждают тезис о том, что важнейшее значение в этих трансформациях играют процессы, связанные с перераспределением роли и значения регионов. Возрастание роли регионов в эволюции международного сообщества и в жизнедеятельности многих современных государств в конечном счете сопровождается формированием новой конфигурации складывающегося миропорядка.

В условиях существенного усложнения внешнеполитических позиций РФ особую значимость для российской науки приобретает разработка государственной геополитической концепции, учитывающей помимо ставших традиционными проблем: обеспечения безопасности, участия в международных институтах и т. д., всю сложность региональной проблематики. Самостоятельным объектом геополитических (и не только) исследований становятся макрорегионы современной России, рассматриваемые в единстве геополитических, географических, социально-культурных, экономических и иных детерминант. Несомненно, что Дальний Восток (ДВ) относится к числу — макрорегионов, если под таковыми понимать первый уровень членения российского социоэкономического пространства¹.

Сотрудничество между странами (в данном случае между РФ и КНР) будучи крайне сложным социальным феноменом представляет собой объект междисциплинарных исследований. Поэтому любая попытка выстроить сколько-нибудь действенную государственную геополитическую стратегию, опирающуюся исключительно на ту или иную «отраслевую» концепцию (политологическую, экономическую, военную и т. д.) вряд ли оправдана. Как, впрочем, малопродуктивны попытки ограничить всё многообразие международных отношений исключительно уровнем национальных государств, а всё разнообра-

зие региональной проблематики свести к регионам, понимаемым как некие группировки пространственно сопряженных государств.

Мы вовсе не отрицаем правомерность такого подхода, но нам хотелось бы привлечь внимание к тому, что макроуровень анализа не является единственно возможным. По-нашему мнению, межгосударственное сотрудничество осуществляется на различных уровнях: глобальном, региональном, локальном. Но сотрудничество имеет и другой формат взаимодействия, а именно на уровне организаций и отдельных индивидов. Таким образом, механизмы сотрудничества имеют как формальную, так и неформальную природу.

Следовательно, исследуя действие регуляторов (институтов и организаций) можно придерживаться следующей логики — геополитические задачи, задачи регионального управления и местного самоуправления, всякий раз памятуя, что и институты, и организации могут иметь как формальную, так и неформальную природу.

И здесь самое время остановиться и зафиксировать, что является целью и непосредственным предметом нашего исследования и, наверное, что не менее важно, чего не стоит искать на страницах данного препринта научного доклада. Итак, прежде всего не стоит искать пресловутой «научной новизны» в виде очередной «теории», которая дает ответы на все нерешенные вопросы международных отношений². Наша цель не столь амбициозна и заключается прежде всего в том, чтобы привлечь внимание коллег к реальным проблемам российско-китайского сотрудничества на регионально уровне. По-нашему мнению, только используя потенциал научных концепций и идей, а также аналитического инструментария, имеющегося в настоящее время в отечественной и зарубежной науке (политологии, экономике, географии, социологии, культурологии) сформулировать основные положения методологической платформы междисциплинарного синтеза, которая позволила бы не только описать, но и объяснить современное состояние российско-китайского сотрудничества и наметить возможные сценарии на уровне макрорегионов.

Что же касается «приграничного сотрудничества», то при всей кажущейся простоте этого термина не все так просто³. И дело не только в том, что «сотрудничество» давно вышло за пределы академического дискурса. Скорее всего, мы имеем дело с крайне сложным феноменом, который к тому же обладает необычайно высоким уровнем динамизма и внутренним разнообразием форм проявления. Опять-таки возвращаясь к уже упоминавшейся работе А.А. Киреева, можно принять выдвинутый им тезис, согласно которому «приграничное

сотрудничество» наряду с «приграничной конкуренцией» являются составными частями более общего понятия — «приграничные отношения». Вот только «конкуренция» вряд ли лучшая пара для «сотрудничества»⁴, скорее в этом случае более уместна будет «конфронтация».

Естественно, что приграничное сотрудничество предполагает наличие территории, в пределах которой это сотрудничество имеет место. И здесь начинается самое интересное, так как до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной науке нет общепринятого понимания ни того, что есть приграничные территории, ни того каким образом эти территории следует выделять.

Скорее всего нет оснований полагать, что возможно какое-то одно, пригодное на все случаи жизни решение относительно того, что есть приграничные территории, как и универсальный метод их выделения. И в том, и в другом случае, если не всё, то очень многое, будет определяться целями исследования и отчасти квалификацией исследователя или исследовательской команды.

Тем не менее, если только мы не используем готовую сетку административно-территориального деления (АТД), то нам придётся признать, что определение границ приграничных территорий — задача нетривиальная⁵. Эта задача становится еще более сложной, если мы ставим перед собой цель выделения не территории, а региона (независимо от его масштаба), то есть пространственной системы. Причем системы сверхсложной, открытой и динамичной. То есть мы имеем дело не с неким своеобразным контейнером вмещающим различных акторов, вовлеченных в приграничное сотрудничество, а с социальным конструктом⁶. Более того, регион в этом случае — не только категория, которую используют в академическом, а отчасти и в экспертном дискурсе, но и в общественном дискурсе как «просторечную, курсивную (a cursive, vernacular) единицу, плавающую в сознании людей»⁷. Поэтому, анализируя российско-китайское сотрудничество, мы старались (на сколько нам это удалось, об этом судить читателям) учесть мнения не только академических исследователей и экспертов, но и местных сообществ.

Теперь от рассуждений общего характера перейдем к интересующим нас макрорегионам, то есть к Дальнему Востоку России (ДВ) и Северо-Востоку Китая (СВК). Прежде всего, отметим, что нет никаких оснований, кроме «удобств управления», рассматривать экономику в пределах Дальневосточного федерального округа (ДФО), как пространственную систему⁸, скорее всего это — конгломератная структура.

По-нашему мнению, в границах ДФО следует выделять как минимум три макрорегиона: Забайкалье, Якутию и Дальний Восток⁹. Эти макрорегионы отличаются друг от друга и по совокупности природных факторов, что находит отражение в структуре ландшафтного пространства¹⁰, пространственной организации экономики и систем расселения, то есть в конечном счете в организации социального пространства. Каждый из этих макрорегионов обладает не только различными интересами, но и возможностями в осуществлении взаимодействий с СВК. В дальнейшем, говоря о ДВ, мы имеем в виду не ДФО, а именно ДВ и, прежде всего, Южную макророзону в его пределах.

Для СВК (Маньчжурия) в меньшей степени, чем для ДВ, характерно несовпадение границ административных и границ пространственных социально-экономических систем. Показательно, что провинция Ляонин, традиционно рассматриваемая часть Маньчжурии, в последней сетке макрорегионов (выделенных прежде всего по экономическим, но не только, основаниям) одновременно является частью макрорегиона СВК и Бохайского залива¹¹. Здесь будет уместно отметить, что обособление северной Маньчжурии от южной в явном виде стало проявляться еще до русско-японской войны. И, как и в случае с выделением Дальневосточного макрорегиона, граница между Северной и Южной Маньчжурией проходит по основаниям, имеющим природный, экономический и социальный характер. По изложенным выше причинам авторы посчитали возможным принять СВК без южной Маньчжурии, то есть в самом общем виде, в пределах провинций Хэйлуцзян и Цзилинь.

Определившись, хотя бы в первом приближении, с понятиями «сотрудничество» и «регион», мы посчитали целесообразным кратко остановиться на тех положениях, из которых мы исходили в своем анализе российско-китайского сотрудничества на региональном уровне:

- российско-китайское сотрудничество представляет собой объект междисциплинарных исследований и региональный уровень этого сотрудничества не является исключением;
- ДВ, как и СВК, рассматриваются нами как сложные социоэкономические пространственные системы;
- российско-китайское сотрудничество на региональном уровне на протяжении рассматриваемого периода (с конца XIX века по настоящее время) имело дискретный характер, т. е. периоды сотрудничества перемежались периодами, которые можно обозначить как периоды конфронтации; для каждого из основных

этапов российско-китайского сотрудничества характерны как различия в масштабах и структуре их, так и различия в их внутривнутриполитическом и геополитическом контексте;

- характерная черта современного этапа сотрудничества, в том числе и на региональном уровне, заключается в том, что в качестве доминирующего фактора (не отменяющего все остальные) является геополитический.

Наконец, мы считаем, что в качестве основных направлений сотрудничества ДВ и СВК на современном этапе, то есть в обозримой перспективе, следует рассматривать: транспортную логистику, приграничную торговлю, аграрную сферу и производство продуктов питания, науку и высшее образование, а также взаимодействие в социально-культурной сфере и туризме.

Теперь буквально несколько слов о структуре, а в конечном счете о логике данного препринта научного доклада.

Так как в фокусе данного исследования находятся находятся два макрорегиона ДВ и СВК, то мы посчитали целесообразным начать с рассмотрения основных этапов сотрудничества между ними. Иначе говоря, дать общую картину изменений в направлениях и в формах сотрудничества, и, что не менее важно, выяснить какова была реакция пространственных систем ДВ и СВК на эти изменения. Наконец, обращение к истории вопроса, помимо вполне оправданного любопытства, предполагало еще и актуализацию исторического опыта. Не входя в детальный анализ категории «исторический опыт», что далеко увело бы нас от заявленной темы препринта¹², ограничимся указанием на то, что «исторический опыт» мы рассматриваем как обобщенную и исторически осмысленную практику. Скажем так, это — широкая трактовка исторического опыта, в нашем же случае более уместна узкая трактовка, согласно которой такого рода опыт имеет отношение прежде всего к локальным историческим процессам, ограниченным в пространстве и во времени¹³. И здесь скорее всего нужна ремарка: не существует исторического опыта вне субъект-объектных отношений. Иначе говоря, исторический опыт всегда принадлежит конкретному субъекту исторического процесса, будь то исторические личности, формальные и неформальные институты, местные сообщества или общество в целом.

В нашем особом случае значение приобретают следующие формы исторического опыта: во-первых, это — знания, причем не только научные, но и обыденные знания людей, в той или иной мере вовлеченных в процессы российско-китайского сотрудничества. Что касается

научных знаний, то здесь нас интересовали, прежде всего, работы в области теории международных отношений, геополитики, политической географии, регионалистики и смежных научных дисциплин. Естественно, «нельзя объять необъятное», а поэтому мы ограничились лишь теми научными концепциями, которые имеют непосредственное отношение к заявленной теме. При этом мы старались использовать не только работы представителей академического, но и экспертного сообществ, как отечественных, так и зарубежных.

Во-вторых, это — умения и навыки решения проблем экономического, политического, социального, экологического характера, непосредственно связанных с российско-китайским сотрудничеством. При этом речь идет не только о навыках и умениях постановки и решения управленческих задач органами власти и управления на региональном и местном уровнях, но и о тех социальных практиках, которые используются представителями местных сообществ, вовлеченных в российско-китайское сотрудничество.

Следующий шаг — анализ существующих методологических и теоретических концепций, которые могут быть полезны при исследовании проблем российско-китайского сотрудничества в целом, и в первую очередь на региональном уровне, в частности, между российским ДВ и СВК. При этом нас интересовали не столько многочисленные официальные тексты, равно как и многочисленные публикации в жанре панегириков, сколько результаты эмпирических и теоретических исследований, которые могли быть полезны для понимания (а, отчасти, и для прогнозирования) источников и механизмов сотрудничества между ДВ и СВК. Но так как сотрудничество между РФ и КНР на Дальнем Востоке — это в конечном счете взаимодействие между двумя глобальными игроками, то вольно или не вольно приходится рассматривать и влияние геополитической ситуации на характер и направления российско-китайского сотрудничества между российским ДВ и СВК.

В счете это ведет к необходимости использования не только теоретических концептов теории международных отношений, региональной концепции, но и социологических теорий, таких как производство пространства А. Лефевра, социальных полей П. Бурдьё, структуризации общества Э. Гидденса, мобильностей Д. Урри, наконец, теории сложности¹⁴.

В-третьих, анализ ключевых факторов российско-китайского сотрудничества между ДВ и СВК на современном этапе. Рост влияния геополитического фактора на российско-китайское сотрудничество в

рассматриваемом регионе после введения режима санкций в отношении РФ в результате известных событий на Украине в 2014 г., который с 24.02.2022 г. принял уже не секторальный, а тотальный характер. Это предполагает анализ влияния других глобальных (США, ЕС) и региональных игроков на российско-китайское сотрудничество в целом и между ДВ и СВК, в частности.

И наконец, сценарии будущих состояний сотрудничества ДВ и СВК не только в экономической, но и в социально-культурной сферах.

1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Как бы ни был своеобразен современный этап российско-китайского сотрудничества, оценить и должным образом понять это своеобразие можно только обратившись к истории этого сотрудничества. Сразу отметим, что история российско-китайского сотрудничества нас интересует с конца XIX века, то есть с того времени, когда по обе стороны государственной границы начали складываться (прежде всего, на российской стороне) регионы макроуровня (Дальний Восток и Маньчжурия)¹⁵. В пределах этого временного периода характер и направления российско-китайского сотрудничества в регионе не оставались неизменным. По нашему мнению, можно говорить, как минимум, о четырех этапах, отличающихся друг от друга не только движущими силами, масштабами, структурой и формами сотрудничества, но и контекстом. Говоря о контексте, мы имеем в виду как геополитическую, так и внутривнутриполитическую ситуацию.

1.1. От КВЖД до японской оккупации Маньчжурии

Этот период, впрочем, как и все последующие, отличался крайней противоречивостью и «размытостью» границ. В самом общем виде временные границы мы определяем следующим образом: начало — конец XIX века, завершение — оккупация Маньчжурии Японией. Несмотря на имевшие место в это время вооруженные конфликты между сторонами (Российская Империя, а затем СССР) сотрудничество было взаимовыгодным, во всяком случае, в экономической сфере.

Несомненно, важнейшим проектом этого периода было строительство, а затем и совместная эксплуатация Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). У авторов данного препринта не было цели сколько-нибудь детально входить в вопросы строительства и эксплуатации КВЖД, они достаточно освещены в научной литературе¹⁶. Поэтому мы посчитали возможным ограничиться рассмотрением влияния этого мегапроекта на российско-китайское сотрудничество, прежде всего в экономической, а отчасти и в социокультурной сферах.

Здесь будет уместным привести мнение Н.Е. Абловой: «Воплощение замысла КВЖД в жизнь привело к возникновению в Маньчжурии своеобразного феномена: на пустынных китайских землях возникло в лице полосы отчуждения КВЖД «государство в государстве»: со своими четко обозначенными границами и территорией, многонациональным населением, законодательной (Правление КВЖД) и исполнительной (Управление КВЖД) властями, своими главой «государства» (Управляющий КВЖД), министерствами (Земельный отдел, Служба тяги и т. п.), полицией и армией (Заамурский округ Пограничной стражи), судом и муниципальным управлением, собственной системой образования и здравоохранения и т. д.»¹⁷.

Иначе говоря, КВЖД — это не столько, как бы сказали сейчас, инфраструктурный проект сколько, по-нашему мнению, транспортно-колонизационный комбинат, если использовать терминологию начала XX в.¹⁸ Хотя при разработке и на начальной стадии реализации проекта имели хождение мнения относительно того, что Транссиб и КВЖД могут стать своего рода мостом между Европой и Тихим океаном, по окончании русско-японской войны стало очевидным, что обе эти железнодорожные магистрали имеют скорее колонизационное значение, чем транзитное¹⁹. Впрочем, здесь необходимо уточнение: Транссиб имел, несомненно, огромное значение в качестве инструмента колонизации Сибири и ДВ²⁰, а вот КВЖД оказала, как минимум, не меньшее значение для колонизации СВК²¹ и отчасти Приамурского края.

Поэтому суждения, что «...в качестве экономического проекта Сибирская дорога и КВЖД оказались несостоятельны»²², ничего кроме недоумения вызвать не могут. Конечно, и строительство, и эксплуатация КВЖД (особенно на начальном этапе) были сопряжены со значительными трудностями технического и экономического характера, о которых много и со вкусом писали и современники, и их отдаленные потомки. Но, тем не менее, скорее правы те, кто считают, что

«Россия в лице дороги получала мощное орудие проведения политики на Дальнем Востоке, и рычаг давления на пекинское правительство, и серьезную базу для отстаивания своих политических и экономических интересов в регионе»²³.

Но как бы ни был значим проект КВЖД, им вовсе не исчерпывается все многообразие российско-китайского сотрудничества. Прежде всего следует упомянуть, как бы сказали сейчас, трудовую миграцию из Китая на строительство порта и крепости во Владивостоке, Уссурийской ж.д.²⁴. Кроме того, значительное количество китайцев работала на золотых приисках Приамурского края²⁵. При этом важно отметить, что «Редки те китайцы, которые оставались бы в крае более 3 лет, все они, какую бы профессию ни занимали, стремятся, скопив себе 200—300 рублей, возвратиться домой, и лишь некоторое количество их, из тех, которые женились на русских, остается здесь»²⁶. То есть, китайские мигранты шли на ДВ, образно говоря, не за землей, а за заработками.

Другая форма российско-китайского сотрудничества — организация выходцами из Китая торговых и промышленных предприятий на территории Приамурского края²⁷. В свою очередь российские предприниматели не так быстро, как того хотелось российским властям, создавали промышленные и торговые предприятия в Маньчжурии²⁸.

В конечном итоге в начале XX в. на сопредельных территориях Маньчжурии (после русско-японской войны ее северная часть) Приамурья и Приморья сформировалась экономическая система, на роль организующего центра, которой во все большей мере претендовал быстрорастущий Харбин²⁹. Этот город, основанный русскими, достаточно быстро стал крупнейшим промышленным и транспортно-распределительным центром³⁰, чему в немалой мере способствовало обстоятельство, что он имел выходы сразу к Бохайскому заливу Восточно-Китайского моря (Дальний, Порт-Артур) и в Японское море (Владивосток)³¹. Харбин быстро и надолго стал уникальным социальным феноменом, своего рода плавильным котлом, в котором происходил интенсивный культурный обмен³². И тому были основания: «Иностранцев путешественников часто удивляли товарищеские отношения между русскими и китайцами, работавшими на КВЖД»³³.

Не столь впечатляющим, но несомненным был и экономический рост ДВ: росли города, шло интенсивное освоение природно-ресурсного потенциала Приморья и Приамурья³⁴, происходило формирование каркаса транспортной инфраструктуры (морские порты, речные пристани, железные дороги)³⁵, открывались предприятия обрабаты-

вающей промышленности³⁶, росли товарооборот и иностранные инвестиции, в конечном счете, росло благосостояние населения³⁷, что в свою очередь симулировало приток переселенцев из Европейской России.

Одновременно с ростом экономики и численности населения (прежде всего городского) происходили качественные изменения в социально-культурной сфере: организовывались первые научные общества (Общество изучения Амурского края, Приамурский филиал ИРГО и др.), создавались высшие учебные заведения (первым вузом был Восточный институт, просуществовавший с 1899 по 1920 г.), в том числе и в Харбине, была создана система ССУЗов во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и Харбине³⁸.

Конечно, экономические процессы, как и состояние социально-культурной сферы, имели нелинейный характер: русско-японская война, смена политического режима в России не могли не сказаться на состоянии трансграничного региона. Но, и это крайне важно отметить, они не отменили того тренда, который был задан С.Ю. Витте³⁹.

Показательно, что заключенное в 1910 г. общеполитическое соглашение между Россией и Японией не только «укрепило позицию этих стран по отношению к Китаю и другим державам на Дальнем Востоке»⁴⁰, но и сняло угрозу нового военного столкновения, что не могло не сказаться на экономическом состоянии как КВЖД, так и экономики ДВ, равно как и Маньчжурии.

Как результат, рост промышленного производства темпами, опережающими средние по стране, что привело в конечном итоге к формированию структуры народного хозяйства, в которой удельный вес промышленности в 1913 г. составлял 46 %, тогда как аналогичный показатель по России составлял 38 %.

После всего сказанного выше относительно развития ДВ в досоветский период его истории ничего, кроме удивления, не может вызвать пассаж авторитетного И. В. Лукоянова: «В общем, ещё до революции большинство авторов показали значительную слабость экономики Дальнего Востока, отсутствие внятной и целенаправленной политики Петербурга, направленной на её развитие, а также весьма плачевное состояние региональной торговли. Такие данные ставили под сомнение не только возможность осуществить грандиозные замыслы С.Ю. Витте хотя бы отчасти, но и саму постановку вопроса о захвате внешних рынков для нужд российской индустрии»⁴¹.

Наверное, такие умозаключения были бы вполне оправданы⁴², если бы речь шла об историческом исследовании во времена развито-

го социализма, но для 2008 г. это можно объяснить только желанием найти нечто новое в экономическом развитии ДВ, а заодно и в государственной политике в отношении этого макрорегиона.

И здесь самое время перейти к оценкам и перспективам развития ДВ, полученным, как говорится, из первых рук. Для начала мнение Н.Н. Колосовского от 1925 г.: «Дальний Восток в производственном отношении связан с Тихоокеанскими странами. Успехи и неудачи нашего Дальне-Восточного хозяйства обусловлены успехами борьбы за рынки Тихого океана»⁴³. Под такими словами и сам С.Ю. Витте мог подписаться.

А затем вернемся в 1923 год к статье «Перспективы хозяйства Дальнего Востока», в которой мы находим много интересного, в частности: «За последние 8 лет, со времени Европейской войны хозяйство нашей Тихоокеанской окраины имело несколько своеобразную судьбу. Оно не имело критической точки 1913 г., характерной для Европейской России, как год максимального подъема. За годы гражданской войны на востоке несмотря на перебои в отдельных отраслях хозяйства, мы все же в общем и целом [видим] относительное развитие хозяйства Д. Востока»⁴⁴. Иначе говоря, несмотря на Мировую войну, интервенцию и гражданскую войну, экономика развивалась.

И причина роста экономики «объясняется главным образом, воздействием на него Японского рынка и С. — Манчжурии»⁴⁵.

А теперь задание на будущее от Н.Н. Колосовского: «В сопредельных областях Китая мы имеем неисчерпаемый рынок рабочей силы. Принимая во внимание: 1) что на ближайшие годы мы все же будем стеснены на Дальнем Востоке в средствах на капитальное оборудование предприятий; 2) заведомый недостаток рабочих рук на наших Дальне-Восточных предприятиях; 3) необходимость давать для Тихого Океана возможно дешевую продукцию ... следует признать необходимым в интересах развития хозяйства нашего Д.В. привлечение китайского рабочего элемента в наши Д.-В. предприятия»⁴⁶.

Конечно, можно сказать, что это личное мнение Н.Н. Колосовского, но здесь следует иметь в виду, что будущий классик отечественной экономической географии и региональной экономики выражал мнение, как минимум, секции районирования Госплана, а это в те времена был весьма авторитетный орган государственного управления.

Однако, как бы то ни было, это было мнение Центра, но есть и мнение мест. Так, председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник в ноябре 1925 г., выступая на XIII Дальневосточной конференции ВКП(б), от-

мечал: «Наш край, как окраина СССР, как Дальневосточный советский аванпост на берегах Тихого океана, экономически в своих основных отраслях хозяйства (лес, рыба и горные богатства) тяготеет, как к рынку сбыта, к Тихому океану и тесно связан с экономикой сопредельных стран. Поэтому нельзя строить хозяйство края, развивать основные элементы хозяйства без изучения тихоокеанской конъюнктуры, без увязки с экономикой сопредельных стран»⁴⁷.

Если кратко подвести итоги первого этапа российско-китайского сотрудничества в рассматриваемом трансграничном регионе, то следует констатировать следующее:

во-первых, российско-китайское сотрудничество было локализовано ДВ и СВК, которые в рассматриваемый период находились на начальной фазе формирования макрорегионов⁴⁸;

во-вторых, реализация флагманского проекта — КВЖД сопровождалась формированием трансграничного региона ДВ России — СВК;

в-третьих, смена политических режимов (а они происходили достаточно часто) по обе стороны границы, как и вооружённые конфликты, несомненно, оказывали влияние на российско-китайское сотрудничество, но не отменяли его;

в-четвертых, наряду с формальной регионализацией имела место и неформальная регионализация, в ходе которой происходил не только кросс-культурный обмен, но и самых различных хозяйственных практик;

Наконец, изначально российско-китайское сотрудничество в трансграничном регионе находилось под воздействием геополитических факторов; на масштабы, направления и формы двустороннего сотрудничества оказывали влияние не только Япония, но и такие глобальные игроки, как США и Великобритания.

В конечном счете, именно геополитические факторы, послужившие первопричиной, скажем так, первого «Поворота на Восток» и формирования трансграничного региона, сыграли определяющую роль в том, что регион как пространственная социально-экономическая целостность распался.

В то же время, отдавая должное политическим (геополитическим) факторам, которые оказали влияние на превращение российского ДВ из периферийного в экономическом и политическом отношении региона в центр борьбы за влияние в АТР, нам трудно согласиться с тем, что «Политические мотивы не только явно доминировали, но и отодвигали экономические задачи на неопределенное будущее»⁴⁹.

Скорее всего имело место переплетение экономических и политических мотивов, причем такое переплетение, когда отделить одно от другого зачастую становится невозможным.

1.2. Конец 1940-х — 1950-е годы

Своего рода «золотой век» российско-китайских отношений, когда русский с китайцем были «братья на век». Братство имело под собой идеологическую подопку в виде марксизма-ленинизма, а, следовательно, строительства социализма⁵⁰. Но было еще одно основание, которое имело уже геополитический характер: борьба с империалистической угрозой (или иначе, обеспечение безопасности обеих стран) в лице, прежде всего, США.

Характерная особенность этого периода — всестороннее и масштабное сотрудничество, которое охватывало не только сферу экономики, но и другие сферы жизни общества. В вузах СССР обучались многочисленные контингенты китайских студентов, в свою очередь советские ученые принимали самое активное участие в подготовке кадров высшей квалификации в вузах КНР.

Более того, был выполнен ряд совместных исследовательских проектов, в частности, в 1956—1960 гг. работала совместная российско-китайская Амурская комплексная экспедиция по изучению проблемы регулирования стока и использования гидроэнергетических ресурсов в бассейне Амура⁵¹.

Еще одна особенность рассматриваемого периода — появление, хотя и в зачаточной форме, туризма как формы российско-китайского сотрудничества⁵². Да, масштабы туристических потоков, в сравнении с доковидными временами, ничтожно малы. Но важен сам факт, что туристический обмен имел место.

Причем, если на предшествующем этапе трансграничный регион ДВ—Маньчжурия был практически единственной локацией реализации российско-китайского сотрудничества, то на втором этапе сотрудничество вышло за пределы ДВ и СВК, хотя по-прежнему оба макрорегиона (прежде всего СВК) были основной локацией осуществления сотрудничества.

На СВК в годы первой пятилетки (1953—1957 гг.) приходилось до 50 % вновь построенных промышленных объектов и до 25 % государственных инвестиций⁵³. В результате к 1958 г. на СВК приходилось до 15 % суммарного ВРП, 24 % промышленного производства, при этом доля региона в численности населения составляла 8 %⁵⁴.

В этом случае имело место удачное сочетание факторов: СВК, во многом благодаря реализации проекта КВЖД, обладал необходимым минимумом инфраструктурной оснащённости, значительными контингентами неквалифицированной рабочей силы, но, и это важно, имевшей опыт совместной работы с российскими специалистами. С другой стороны, Советский Союз обладал необходимыми для модернизации экономики (прежде всего промышленности и транспорта) технологиями и специалистами, а также производственным потенциалом.

Одновременно шло строительство и модернизация инфраструктуры и промышленных предприятий на юге ДВ, продукция которых была предназначена для реализации на китайских рынках⁵⁵. Однако основные товарные потоки формировались за пределами ДВ (районы европейской части СССР). То есть ДВ по большей части выполнял функции транзита⁵⁶.

В тоже время нельзя отрицать и того факта, что ДВ был основным потребителем поступающих из КНР свежих и консервированных овощей, фруктов, мяса и мясопродуктов, яиц, соевых бобов и т. п. Причем важно отметить, что значительная часть этого потока осуществлялась в рамках приграничной торговли, то есть происходил процесс формирования институтов не только на межгосударственном, но и на региональном уровне. Более того, в эти же годы отмечались, хотя и эпизодические, взаимодействия на уровне отдельных организаций, в частности, в сфере сельскохозяйственного производства.

Итак, подведем итоги второго этапа межрегионального российско-китайского сотрудничества:

во-первых, российско-китайское сотрудничество конца 1940-х — 1950-х годов в своей основе имело идеологические основания, которые тесно переплетались с геополитическими и экономическими⁵⁷; при этом советское руководство считало возможным удерживать Китай на положении «младшего брата», но «попытка удерживать Китай на подчиненных ролях потерпела крах»⁵⁸, что, в конечном счете, привело к конфронтации;

во-вторых, российско-китайское сотрудничество в отличие от предшествующего этапа не было локализовано в пределах трансграничного региона; более того, имела место определенная асимметрия между китайской и советской частями трансграничного региона: СВК, в конечном счете, сформировался как индустриальная база общенационального значения, тогда как ДВ остался в положении периферийного региона, который по большей части обеспечивал транзит;

в-третьих, в отличие от предшествующего этапа СССР предоставлял оборудование, станки, квалифицированных работников, кредиты на развитие СВК, что намного превышало масштабы вложений со стороны государства в развитие ДВ, но при этом не принимал участия в реализации совместных инвестиционных проектов, ибо таковых просто не было;

в-четвертых, появились новые формы российско-китайского сотрудничества, а именно: военно-техническое и туризм, и если первая не несла в себе «региональную компоненту», то вторая — несомненно, да.

Следует также упомянуть еще об одной специфической черте второго этапа сотрудничества между российским ДВ и СВК: отсутствие трудовых мигрантов из Китая в пределы ДВ.

Наконец, если первопричиной, приведшей к распаду трансграничного региона, возникшего на первом этапе российско-китайского сотрудничества, послужили геополитические факторы, то на втором этапе на первый план вышли факторы идеологического свойства.

1.3. Конец 1980-х — середина 2010-х годов

Третий этап российско-китайского сотрудничества охватывает период с начала работ по демаркации государственной границы между СССР (затем РФ) и КНР и до событий на Украине, произошедших в 2014 г. Сразу же следует отметить, что сам факт формирования отношений доверия в сфере безопасности создает условия для сотрудничества, но эти условия не действуют автоматически. Чтобы реализовать потенциал сотрудничества, необходима государственная политика, направленная на его реализацию. Ситуация, сложившаяся по обе стороны государственной границы в начале рассматриваемого периода, была, как минимум, неоднозначна. Дело в том, что по обе стороны границы шли трансформационные процессы, в ходе которых и ДВ России, и СВК оказались в положении маргиналов⁵⁹.

Здесь можно много рассуждать о причинах этого для российской и китайской частей трансграничного региона. Но проблемы экономические, социальные, демографические и иные ДВ в ходе трансформационного перехода уже неоднократно обсуждались в отечественной литературе и на многочисленных конференциях и симпозиумах, поэтому мы посчитали возможным ограничиться отсылкой на те работы, которые, по нашему мнению, наиболее всесторонне и аргумен-

тировано вскрывали не только генезис проблем перестройки дальневосточной экономики, но и намечали пути их решения⁶⁰.

Что же касается трансформационных процессов в СВК, то и по этой теме существует немало публикаций, поэтому авторы посчитали возможным лишь акцентировать внимание на следующих вопросах, имеющих принципиальное значение для целей исследования. Во-первых, СВК и прежде всего провинции Хэйлуцзян и Цзилинь оказались не готовы к экономическим реформам по целому ряду причин, в том числе доминирование в экономике крупных государственных предприятий в отраслях тяжелой промышленности и к тому же с изрядно устаревшим оборудованием и технологиями. Во-вторых, экономики упомянутых выше провинций проиграли конкурентную борьбу за инвестиции, квалифицированные кадры, инновации и рынки сбыта. К тому же против них сыграли географические факторы: и Хэйлуцзян, и Цзилинь оказались вне магистральных потоков ресурсов (прежде всего, финансовых и технологических), проходящих через Китай⁶¹.

Отсутствие внятной региональной политики как в РФ, так и в КНР в начале рассматриваемого этапа сопровождалось достаточно высоким уровнем децентрализации принятия управленческих решений на субрегиональном уровне, т. е. на уровне дальневосточных субъектов РФ и провинций СВК⁶². Здесь будет уместным привести цитату из Р. Коуза и Н. Вана: «...череды событий, приведшая Китай к капитализму, никем не планировалась, а итоги реформ оказались полной неожиданностью для всех. ... Это поразительный пример того, что Фридрих Август фон Хайек назвал “непреднамеренными последствиями человеческих действий”»⁶³. Но, по-нашему мнению, этот тезис можно с известной долей условности отнести и к трансформационным процессам в РФ.

Поэтому не удивительно, что конец 1980-х и большая часть 1990-х годов — время, когда российско-китайское сотрудничество в трансграничном регионе осуществлялось, скажем так, на неформальной основе⁶⁴. Достаточно вспомнить «челноков»⁶⁵ и китайские рынки, возникшие во всех сколько-нибудь крупных городах ДВ⁶⁶. На эти же годы приходится массовый приток на ДВ китайских строительных рабочих⁶⁷.

И тем не менее, следует признать, что и китайские товары (продукты питания, одежда, обувь и т. п.), как и китайские рабочие, равно как и открытие китайского рынка для товаров, производимых на территории ДВ, сыграли важную роль в стабилизации дальневосточного общества в наиболее сложные годы трансформационного перехода.

Опять-таки следует иметь в виду, что приграничное сотрудничество в 1990-е — 2000-е годы имело позитивный эффект и для экономики СВК, прежде всего провинции Хэйлунцзян (в большей мере) и Цзилинь (в меньшей). В наибольшей мере этот эффект проявился в поясе приграничной открытости, то есть в приграничных с ДВ уездах Хэйлунцзяна и Цзилиня. «В 2008 г. их доля во внешнем товарообороте Дунбэя составляла 13 %, при этом доля этих территорий в ВРП макрорегиона едва достигала 2 %»⁶⁸. При этом доля России во внешней торговле крупнейших экономических центров СВК даже в 2016 г., то есть когда был провозглашен Поворот на Восток, была крайне невелика и составляла: для Шэньяна — 0,6 %; Харбина — 3,4 %, Чанчуня — 0,4 %⁶⁹.

Как это не покажется на первый взгляд удивительным, но приграничная торговля с ДВ позволила не только усилить межрегиональные взаимодействия внутри Китая⁷⁰, но и начать торговые операции с другими странами. Если в 2000 г. на Россию приходилось более 91 % их товарооборота, то в 2010 г. — только 42 %⁷¹.

Усилия государства в это время были направлены на создание многочисленных программ и стратегий развития ДВ (в самой разной конфигурации), как, впрочем, и Сибири, они содержат, по мнению авторов одного из докладов Валдайского клуба, «много полезного. Но их объединяет одно: они не работают и работать не могут»⁷². И тому есть две главные причины: «Во-первых, они россицентричны исходят из потребностей тех или иных отраслей, из общей идеи развития Зауралья, но не учитывают возможностей и ограничений, которые предлагает и ставит внешний мир. Во-вторых, они государствоцентричны и рассчитаны, в первую очередь, на активность государства, которого уже давно нет (типа СССР). А это заведомо не очень эффективно в современной России, в которой любая крупная госпрограмма будет подорвана коррупцией»⁷³. Как говорится, с этим не поспоришь.

Но, здесь будет уместно обратить внимание на то, что в конце 1990-х в Совете по внешней и оборонной политике помимо всего прочего обсуждались и проблемы Азиатской России, в том числе и ДВ⁷⁴. Поэтому правы те эксперты, которые, характеризуя состояние дел на рубеже веков, констатируют, что «Главный вывод относительно метания между Западом и Востоком во внешней и экономической политике России заключается в том, что ключевые политические инициативы, направленные на развитие российского Дальнего Востока, были сформулированы задолго до начала текущего кризиса в отношениях между Россией и Западом»⁷⁵.

В немногих словах, именно в эти годы был сформулирован ряд положений, которые, к сожалению, не оказали влияния на вал документов федерального и регионального уровня, претендующих на роль стратегий, но не перестали быть актуальными до дней сегодняшних. Мы имеем в виду, во-первых, тезис, сформулированный В. Лексиним и А. Швецовым еще в 2000 г.: «...Сибирь и Дальний Восток — это не только «могущество», но и сама судьба России. От того, в каком направлении будут развиваться на этих территориях федеративные, экономические, общественно-политические, социальные и этнонациональные процессы, станет все более зависеть внутренняя и внешняя, экономическая и оборонная политика государства»⁷⁶.

Показательно, что если для значительной части и академического, и экспертного сообщества Россия должна оставаться «азиатско-европейской страной, максимально использующей связанные с этим выгоды территориально-пространственного, природно-ресурсного и геополитического характера, то ей нужна принципиально новая региональная политика в отношении Сибири и Дальнего Востока»⁷⁷. Причем такая стратегия, которая, с одной стороны, исходит из того, что «регион активно превращается в часть «глобального мира», а с другой — предполагает, «переосмысление представлений об этом макрорегионе как о некоем гомогенном социально-экономическом и геополитическом пространстве»⁷⁸. Наконец, реализация стратегии нового освоения Сибири и Дальнего Востока предполагала признание со стороны государства «многие виды территориально-корпоративной деятельности по решению проблем Сибири и Дальнего Востока общественно полезными и федерально значимыми»⁷⁹.

Как видно на рубеже веков академическое и экспертное сообщество еще не склонялось к Повороту на Восток, но придерживалось сбалансированной геополитической стратегии. По мнению ряда отечественных и зарубежных экспертов, развитие российского ДВ стало политическим приоритетом только после мирового финансового кризиса 2008 г.⁸⁰. Скорее всего, финансовый кризис, то есть причина экономического свойства, действительно подвигнул руководство РФ к более тесному сотрудничеству с быстрорастущими экономиками АТР (именно АТР, но не КНР), но, как минимум, не меньшее значение имели и причины внутриполитического и геополитического характера⁸¹.

Что же касается Поворота на Восток как новой геополитической доктрины, то формально она была провозглашена в 2012 г. во Владивостоке на саммите АТЭС⁸². И первоначально в эту доктрину были

защиты две цели: попытаться сбалансировать европейское и азиатское направления российской внешней политики, а также создать потенциал внешнеэкономического сотрудничества ДВ с ведущими странами Восточной Азии — КНР, Республикой Корея и Японией.

Показательно, что в первом аналитическом докладе Валдайскому клубу его авторы предполагали, что «...создание собственного интеграционного объединения на базе Евразийского союза должно стать составной частью новой внешней политики России» и именно эту «частичную переориентацию мы называем новой глобализацией России»⁸³.

Еще в первом из шести докладов Валдайскому клубу, посвященных Повороту на Восток, мы находим «новый философский подход к проблеме, основанный на возможностях новой и развивающейся Азии и на создании благоприятных условий для привлечения российского и иностранного капитала, без которого невозможно развитие Сибири, с использованием всех возможностей, предоставляемых в современном мире, будет невозможно даже при самых лучших намерениях»⁸⁴. Итак, что следует из этого пассажа? А следует, помимо всего прочего, что для авторов доклада Восток, это — Сибирь. Но и это не все. Оказывается, что «Только сбалансировав западный и восточный вектора развития и систему внешних связей, Россия может стать действительно современной глобальной державой»⁸⁵. Иначе говоря, в среде экспертного сообщества в 2012 г. нет даже намека на противостояние с Западом. Нет его и во втором докладе от 2014 г. Однако есть определенные изменения в понимании того, что есть российский Восток. Это уже не только Сибирь, но и ДВ. За прошедшие два года несколько изменилась тональность: от безудержного оптимизма к оптимизму более сдержанному. В частности, любопытна следующая констатация: «На уровне деклараций российская политика действительно повернулась на Восток. ... Однако азиатский вектор политики России еще не наполнился реальным содержанием. Курс на развитие восточных регионов страны застопорился. Несмотря на надежды, возлагаемые на саммит АТЭС во Владивостоке, Россия так и не добилась прорыва в своих усилиях по интеграции в АТР»⁸⁶.

Оказывается, что необходимы усилия, и усилия немалые по развитию Сибири и ДВ. Однако желания инвестировать в экономику ДВ зарубежные партнеры не испытывали. И тому есть много причин. Одну из них (правда, несколько позже, в 2015 г.) озвучил Д. Тренин: «...в разговорах о смещении интересов Москвы нельзя игнорировать тот факт, что та часть Азии, которая сегодня больше всего волнует

Россию, находится в ее собственных границах»⁸⁷. Иначе говоря, наивно рассчитывать на то, что кто-то будет решать экономические, социальные и иные проблемы Сибири и ДВ. Одно дело иметь доступ к природным ресурсам Азиатской России, да к тому же по ценам ниже, чем на европейских рынках, и совсем другое — развивать экономику ДВ и Сибири.

Другая причина, которая была озвучена на Первом азиатско-тихоокеанском форуме, состоявшемся накануне саммита АТЭС во Владивостоке: «...даже самые многообещающие схемы подключения к сотрудничеству со странами АТР не принесут полноценного эффекта, если не будут меняться к лучшему условия ведения бизнеса в России и с Россией. Оздоровление российской деловой среды и инвестиционного климата — главное условие успеха любых инициатив в данной сфере»⁸⁸.

Однако «оздоровление деловой среды и инвестиционного климата» предполагает создание качественно новой институциональной среды. Реакция последовала практически немедленно: летом 2012 г. принято решение о создании Министерства по развитию Дальнего Востока, что, несомненно, следует рассматривать как институциональную новацию⁸⁹.

Наконец, есть еще одна причина — дороги. Если же использовать научную терминологию, то это будет звучать так: «Полноценная реализация возможностей, которые здесь очерчены, возможна лишь при условии качественных улучшений в сферах инфраструктуры, транспорта и логистики»⁹⁰.

Но на самом деле ситуация с Поворотом на Восток много проще: какие бы ни были приняты геополитические решения⁹¹, и какие бы ни были предложены институциональные новации для ее реализации, они не могут дать желаемых результатов без устойчивого развития экономики ДВ темпами, сопоставимыми с темпами развития экономики СВК, а также без обеспечения качества жизни проживающего населения, как минимум на уровне сравнимым с аналогичным в Москве и Санкт-Петербурге.

Теперь подведем итоги третьего этапа российско-китайского сотрудничества, сформулировав их следующим образом.

Во-первых, в отличие от предшествующего этапа — отсутствие каких бы то ни было идеологических мотивов как на межгосударственном, так и на региональном уровне.

Во-вторых, если на уровне политических деклараций российская политика накануне событий на Украине 2014 г. повернулась на Вос-

ток, то «азиатский вектор политики России еще не наполнился реальным содержанием. Курс на развитие восточных регионов страны застопорился»⁹². Все «содержание» свелось к созданию ряда имиджевых проектов в ходе подготовки к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и ряда институциональных новаций (Министерство по развитию ДВ). Ожидаемого притока инвестиций из стран АТР и прежде всего из КНР не последовало. Как, впрочем, и опережающего развития экономики ДВ, равно как и проживающего здесь населения. Миграционный отток населения тому очевидное свидетельство.

В-третьих, после почти тридцатилетнего периода дезинтеграции возобновление российско-китайского сотрудничества привело к восстановлению трансграничного региона ДВ—СВК, но на качественно иной базе, чем это было в 1950-е годы. Если на предшествующем этапе сотрудничества СССР осуществлял многочисленные инвестиционные проекты на территории СВК, то с конца 1980-х и до событий на Украине основная форма сотрудничества — приграничная торговля, зачастую с использованием «серых» схем. Что же касается обмена услугами, то за исключением туризма просто не о чем говорить.

В-четвертых, изменилась локация российско-китайского сотрудничества, которое сконцентрировалось с российской стороны в региональных столицах южной зоны ДВ (прежде всего, городские агломерации Владивостока, Хабаровска и Благовещенска), тогда как с китайской — приграничные города и уезды. Это не могло не сказаться на изменении конфигурации границ трансграничного региона ДВ—СВК, с российской стороны это полоса экономического тяготения Транссиба, а с китайской — бассейн Сунгари, или то, что в начале XX в. обозначали как Северная Маньчжурия, т. е. без провинции Ляонин.

1.4. Поворот на Восток или поворот на Китай?

Современный этап российско-китайского сотрудничества качественно отличается от всех предшествующих прежде всего тем, что он происходит на фоне все усиливающейся конфронтации РФ и «коллективного Запада», причиной которой послужили хорошо всем известные события на Украине 2014 г.

Практически одновременно происходит смещение акцентов в восточной политике РФ. Так, в очередном, уже третьем аналитическом докладе из серии «К Великому океану» Валдайскому клубу с красноречивым названием «Создание Центральной Евразии. Эконо-

мический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств» вновь отчетливо прозвучала евразийская тема. Приведем одну цитату из этого доклада: «Разворот экономики на Восток не означает, что российская экономика отвернется от Европы или что односторонняя зависимость России от европейских рынков сменится такой же односторонней зависимостью от Китая. Поэтому важной частью программы будущего совместного развития вокруг Экономического пояса Шелкового пути будет включение в проект передовых регионов Сибири, ее открытость для европейских рынков»⁹³. Иначе говоря, авторы аналитического доклада отдают себе отчет в том, что разворот экономики на Восток не означает отказа от сотрудничества с Западом, это, во-первых, а, во-вторых, они плохо знакомы с географией: где Сибирь, а тем более ДВ и где трасса Шелкового пути.

Но уже в 2016 г. в четвертом докладе «К Великому океану-4. Предварительные итоги и новые задачи» среди итогов мы находим: «Сегодня поворот России к Азии уже почти состоялся. Вопрос в том, насколько он будет глубоким и успешным и каковы его конкретные направления и наполнение, выгоды и издержки»⁹⁴. Тогда как для понимания задач на будущее: «Российский экономический поворот на Восток был ускорен обострившимся с 2013—2014 годов противостоянием с Западом. Теперь это уже не просто прагматичный шаг экономической политики. Он приобретает геополитические и даже цивилизационные черты»⁹⁵.

И здесь уместно обратить внимание на основной тезис шестого доклада дискуссионного клуба Валдай: «...идя к Азии, к новому богатству, силе и прогрессу, мы возвращаемся к себе домой; что, взяв у Европы высокую культуру и обогатив её, взяв военную организацию и став великой державой, мы теперь занимаем своё собственное цивилизационное место великой евроазиатской державы — оригинального и самостоятельного сплава многих цивилизаций. **Мы становимся самими собой, возвращаемся домой.** Именно этот тезис является главным в этом докладе»⁹⁶.

Однако в последнем докладе ни о какой сбалансированности западного и восточного векторов российской политике речи не идет. Более того, теперь появляются «новые» причины Поворота на Восток: «С начала 2010-х гг. важную роль в активизации поворота на Восток сыграла ползучая деградация отношений со странами Запада, очевидная бесперспективность и бессмысленность попыток «втиснуть» Россию в Европу»⁹⁷.

Итак, в явном виде прослеживается тенденция отхода от целей, которые декларировались в начале Поворота на Восток, имевших по преимуществу экономические цели и локализацию Сибирь и ДВ, с одной стороны, и быстроразвивающиеся страны Восточной Азии — с другой, в сторону целей, имеющих скорее геополитический и цивилизационный характер. При этом в явном виде меняются и географические границы, иначе локализация, Поворота и его контекст. Если первоначально никто не отказывался от концепции «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока, то затем была провозглашена концепция «Большой Евразии»⁹⁸, а, возможно, точнее «Большой Азии»⁹⁹.

И здесь можно было бы поставить точку, но в свете последних публикаций, в том числе С.А. Караганова¹⁰⁰, одного из идеологов Поворота на Восток придется повременить и уделить внимание этим публикациям — они того заслуживают. Итак, что содержится в них принципиально нового?

Во-первых, если поворот на Восток становится национальным приоритетом, то, по мнению В.М. Котлякова и В.А. Шупера, «Азиатской России суждено стать лабораторией будущего, громадным испытательным полигоном для экспериментальной проверки новых решений — институциональных, управленческих, технологических»¹⁰¹. На первый взгляд предложение замечательное, возможно, и на второй тоже. Однако есть как минимум два «но». Первое — кто сказал, что жители готовы принять участие в качестве подопытных кроликов в лаборатории будущего или на испытательном полигоне? Второе — кто доказал, что «новые решения» даже если они оказались успешными, подойдут для решения проблем в других регионах России? Тиражирование решений — вещь опасная, особенно, когда речь идет о пространственных социально-экономических системах¹⁰².

В-вторых, опять-таки по мнению В.М. Котлякова и В.А. Шупера «... страна могла бы развернуть идеологическое наступление с явными шансами на успех, претендую на роль интеллектуального лидера Азии. Военное и политическое влияние едва ли удастся дополнить экономическим, но вполне реально идеологическим, опирающимся на успехи в образовании и науке»¹⁰³.

Что тут можно сказать? Действительно интересная идея, но, во-первых, хотелось бы понять, что такое идеологическое наступление и самое главное, на кого наступать будем? Ясно только одно — про экономику лучше не упоминать, ибо в этой сфере не все благополучно. Поэтому предполагается военное, политическое и вдобавок

идеологическое влияние. Может быть и так (хотя маловероятно), но остается вопрос: где аргументы?

Нам осталось по необходимости кратко остановиться на двух статьях из сборника «Преодоление “континентального проклятия”»: будущее Сибири», изданного в 2022 г.

Начнем с Предисловия редакторов этого сборника, в котором В.М. Котляков и В.М. Шупер выдвигают, как минимум, небесспорный тезис: «...не изменив мировоззрение, мы не сможем использовать наши пространства, прежде всего — Сибирь и Дальний Восток как важнейший ресурс динамичного развития в движущемся к стационарности мире»¹⁰⁴.

Оставим на будущее, как наши пространства превращаются в важнейший ресурс динамичного развития, да еще в движущемся к стационарности мире. И попытаемся понять, что же предлагают авторы. Оказывается, для начала «Мы должны противопоставить западному проекту конструирования нового человека — без пола, без религии, без семьи, без национальности и, прежде всего, без воли и чувства собственного достоинства¹⁰⁵ — свой собственный, основанный на идеях просвещённого консерватизма, на глубоком обдумывании положительного и отрицательного исторического опыта»¹⁰⁶.

Оказывается, «Поворот в развитии нашего общества, связанный с масштабным освоением Сибири, потребует культивирования в людях тех качеств, которыми обладали наши предки, осваивавшие Сибирь на протяжении столетий. Эти качества, к сожалению, во многом утрачены, причём в постсоветский период происходило сознательное их вытравливание в рамках насаждаемого постмодернизма — философии безответственности и бесчестья. Для их восстановления нам может быть полезен и поучителен израильский опыт»¹⁰⁷.

Как минимум, два крайне спорных пункта: так все-таки будем культивировать традиционные качества наших предков или же будем использовать израильский опыт? Это, во-первых, а во-вторых, почему постмодернизм стал философией «безответственности и бесчестья»?

Если теперь вернуться к уже упоминавшейся статье С.А. Караганова все из того же сборника, то и здесь мы найдем много интересного. В частности, мы наконец узнали, что причина по которой Поворот идет с замедлением, «невключённость в него всей Азиатской России — Сибири, а только её дальневосточной, менее развитой в производственном отношении и с точки зрения численности и качества человеческого капитала»¹⁰⁸. Сразу же отметим, что С.А. Караганов не

одинок в выявлении причин замедления Поворота. Близкая по сути, но не столь категоричная по форме точка зрения была в свое время высказана А.Г. Аганбегяном: «... может быть, одной из существенных причин медленного развития экономики Дальнего Востока является сравнительно низкое качество человеческого капитала»¹⁰⁹.

Ну что тут скажешь, когда твои оппоненты обременены степенями и званиями, которыми мы не обладаем и судя по всему обладать никогда не будем? Пожалуй, только одно: каким образом они выполнили оценку человеческого капитала ДВ?

Однако вернемся к тексту статьи С.А. Караганова, чтобы понять, почему же все-таки «Поворот на Восток ... достигнув определённых успехов, выдыхается. Основных причин две. Это была попытка ускоренного развития только Дальнего Востока с его ограниченным человеческим капиталом. Была разорвана Сибирь — единый исторический и экономический регион. В проекте не было идейной основы, которой можно было бы увлечь. Он был по большей части опять же технократическим. Не стал своим, народным, даже и для жителей Тихоокеанской Сибири»¹¹⁰.

Относительно человеческого капитала, что можно, было сказано выше; впрочем, здесь есть одна тонкость: речь уже идет не о качестве, но — о количестве человеческого капитала. А вот вторая причина требует обсуждения. Судя по всему, для С.А. Караганова все, что за Уралом вплоть до Тихого океана, есть Сибирь, «единый исторический и экономический регион». Но и это было очевидно российским ученым начиная от П.П. Семенова-Тян-Шанского и до дней сегодняшних Азиатская Россия (Сибирь по Караганову) неоднородна и по природным, и по социальным и по экономическим условиям, что находит свое отражение в формировании пространственных социально-экономических систем, которые в разное время имели разные названия: естественно-культурные области Семенова-Тян-Шанского, области Госплана (1920-х годов), крупные экономические районы, макрорегионы и т. п. Эти пространственные системы далеко не всегда имеют однозначные границы, которые к тому же подвижны и проницаемы, но они существуют. И делать вид, что Азиатская Россия это — монолит в экономическом отношении, означает очень погрешить против здравого смысла.

Что же касается замены Поворота на Восток в изложении А.С. Караганова, то в качестве таковой предлагается «новое освоение, подъём всей Сибири с ориентацией на Азию и Тихий океан и, разумеется, Арктику»¹¹¹, то есть предлагается вернуться к тому, что было из-

ложено в первом докладе Валдайского клуба от 2012 г. с единственным дополнением в виде Арктики.

Итак, ДВ в предлагаемой концепции «Большой Евразии», или иначе евразийского партнерства, «на девяносто процентов совпадающего с китайской концепцией “Один пояс, один путь”»¹¹², просто растворился. И тому есть вполне простые причины: России не удалось решить ни задачу вхождения в интеграционные процессы в Восточной Азии¹¹³, ни задачу подъема экономики ДВ на качественно новый уровень¹¹⁴.

Показательно, что несмотря на все институциональные новации¹¹⁵, последовавшие вслед за провозглашением Поворота на Восток, «...90 % инвестиций в регионе, по-прежнему обеспечиваются внутрироссийскими ресурсами. Объём частных и в особенности прямых иностранных инвестиций остаётся незначительным, при этом возможность привлечения инвесторов ограничена европейскими и североамериканскими санкциями»¹¹⁶. Однако Х. Блаккисруд с соавторами отмечают, что эту достаточно мрачную картину оживляет единственное исключение — «...медленное, но стабильное увеличение объёма китайских прямых иностранных инвестиций, продолжающееся с 2010 года»¹¹⁷. Но проблема не только в том, что не удалось обеспечить желаемый уровень иностранных инвестиций в экономику ДВ, еще большей проблемой является сокращение размеров государственного финансирования начиная с 2013 г. Поэтому вовсе не выглядит неожиданным вывод, к которому приходят зарубежные эксперты: «Даже если это сокращение и не свидетельствует о том, что «поворот на Восток» утратил своё приоритетное значение для Москвы, оно может препятствовать достижению первоначальных целей этой политики»¹¹⁸.

Ознакомившись с позицией европейских экспертов относительно состояния российско-китайских отношений между ДВ и СВК уместно ознакомиться с одной из работ китайских исследователей, а именно Ф. Шаолэй и Ц. Хэн Ц.¹¹⁹

После констатации факта, что лидеры и правительства обоих стран прилагают колоссальные усилия для продвижения проектов сотрудничества между СВК и ДВ, следует признание, что реализация проектов оставляет желать лучшего. Так, из 104 крупных проектов с суммарными инвестициями в размере 47,9 млрд долл., которые должны быть завершены в 2016 г., было реализовано 25 проектов с суммарными инвестициями 11,77 млрд долл. При этом из всех проектов, запланированных на российской стороне, лишь восемь привлекли

китайские инвестиции в размере 1,77 млрд долл. и только один из запланированных проектов на китайской стороне привлёк российские инвестиции в сумме 0,63 млрд долл.¹²⁰

Но еще более важен для понимания сотрудничества между ДВ и СВК результирующий вывод, к которому приходят китайские эксперты: «При нынешнем масштабе и уровне торгово-экономического сотрудничества рыночная интеграция Китая и России невозможна в условиях нехватки необходимого персонала, капитала, масштабности рынка и объёма услуг»¹²¹. Поэтому «Единственно возможный путь развития Дальнего Востока — это усиление ведущей роли государства (федерального правительства) и повышение привлекательности Дальнего Востока для людей и капитала посредством разработки и внедрения новаторских подходов, используемых государственными учреждениями, и их качественного вклада в процесс развития»¹²².

Здесь, конечно, возникает много вопросов, но все-таки главное в другом, мы имеем дело с ясно сформулированной позицией, которую, как бы к ней не относились, следует учитывать. Но есть один аспект проблемы, на который обращают внимание не только китайские, но западноевропейские эксперты. Это уровень доверия между партнерами. Он достаточно высок на государственном уровне¹²³, но оставляет желать лучшего, когда дело доходит до взаимодействий на уровне фирм. Так, И. Бонд приводит мнение китайских аналитиков: «инвестиционные условия в России всегда были плохими и не улучшились после украинского кризиса, несмотря на обнадеживающие заявления российского руководства. Китайские компании хотели бы инвестировать, но риски были слишком высоки»¹²⁴.

Поэтому не случайно, что наиболее успешной формой сотрудничества в трансграничном регионе является приграничная торговля (в которой преобладают малые фирмы), на долю которой приходится немногим более 15 % товарооборота между двумя странами¹²⁵. То есть в той сфере, в которой за многие годы уже сложились партнерские отношения, между конкретными предпринимателями.

Тем не менее, ситуация сложилась парадоксальная: с одной стороны — есть реальная проблема, а с другой — практически нет исследований, посвященных ей. Поэтому стоит обратить внимание хотя бы на некоторые положения работы Д. Тренина «Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга». В частности, «При всех успехах Китая россияне не считают его особенно привлекательной страной в плане модернизации и инноваций. В то же время они по-прежнему ценят его как политического партнера и «уравниваю-

щую» силу на мировой арене, чей вес и значение быстро увеличиваются»¹²⁶. Это своего рода политический и экономико-технологический аспект. Но есть еще культуральный аспект: «... китайцы считают, что в культурном плане между ними и россиянами есть мало общего. Россияне придерживаются того же мнения»¹²⁷.

Время подводить итоги ретроспективного анализа российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе «ДВ—СВК». Но прежде кратко о том контексте, в рамках которого формировался, а затем и видоизменялся исследуемый нами трансграничный регион.

Итак, во-первых, российско-китайское сотрудничество с момента своего зарождения и по настоящее время никогда не было делом двух стран — России и Китая; статус великих держав неизбежно привлекал внимание других глобальных геополитических игроков, которые оказывали большее или меньшее влияние на двусторонние отношения Китая и России.

Во-вторых, в обеих странах имеет место высокий уровень переплетения отдельных подсистем общества, каждая подсистема (экономическая, социально-культурная, политическая) видоизменяется в зависимости от других, поэтому возможность выделить какую-то из них в качестве доминирующей весьма проблематична.

В-третьих, трансграничный регион ДВ—СВК с момента возникновения в конце XIX — начале XX вв. находился в состоянии постоянных изменений: периоды сотрудничества (иначе, интеграции) перемежаются периодами конфронтации (вплоть до военного противостояния) или дезинтеграции, что сопровождалось изменениями конфигурации границ региона.

В-четвертых, на разных этапах сотрудничества в трансграничном регионе ДВ—СВК менялись формы сотрудничества и их значимость; неизменным оставалось то, что сотрудничество осуществлялось как в рамках государственной политики, так и на неформальной основе.

В-пятых, по обе стороны границы в явном виде имеет место если и не отказ от масштабных усилий по модернизации экономики ДВ (Поворот на Восток)¹²⁸ и СВК, то, по крайней мере, замедление трансформационных процессов. Это не могло не сказаться на трансграничном регионе ДВ—СВК, который все более выполняет транзитные функции при свертывании взаимодействий между российской и китайской частями. В конечном счете, это привело к локализации сотрудничества (экономического в первую очередь) в приграничных уездах и городах с китайской стороны и в крупнейших городских аг-

ломерациях (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) — с российской.

Наконец, говоря о современном этапе, следует отметить, что после 24.02.2022 г. события в трансграничном регионе развиваются в условиях крайней неопределенности, источники которой находятся далеко за пределами региона и определяются не только и даже не столько взаимоотношениями между КНР и РФ, сколько действиями «коллективного Запада»¹²⁹. К тому же в КНР все еще действуют (и совершенно не ясно, когда они будут отменены) антиковидные меры, что уже непосредственно оказывает влияние на состояние сотрудничества в трансграничном регионе¹³⁰.

Дополнительным источником неопределенности является само географическое положение трансграничного региона. Обычно, говоря о географическом положении отмечают, что оно само по себе работает на потенциал развития, но нынешняя ситуация напоминает, что у каждой медали есть обратная сторона. Соседское положение таких стран, как КНР, Япония, США и Россия, которые по определению С. Хантингтона относятся к стержневым государствам сразу четырёх разных цивилизаций, дает основания предположить — такое соседство имеет не только положительные последствия, но и, как минимум, заключает в себе конфликтный потенциал. Конечно, в обозримой перспективе реализация этого потенциала маловероятна, но вполне возможна¹³¹.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Анализ источников информации и аналитических инструментов

Современное состояние исследований российско-китайского сотрудничества на ДВ — результат длительного процесса, участниками которого были не только российские и китайские исследователи, но и ученые из США, стран Западной Европы, Японии, Австралии, Индии, что не удивительно, так как характер взаимоотношений между Китаем и Россией оказывал и оказывает влияние на ситуацию не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и далеко за его пределами.

Естественно, что в рамках препринта просто невозможно дать всесторонний анализ источников, имеющих непосредственное отношение к российско-китайскому сотрудничеству в трансграничном регионе ДВ—СВК, уже в силу того, что информационный массив необычайно обширен и крайне разнообразен по тематике исследований.

Поэтому мы посчитали возможным исходя из целей нашего исследования сконцентрировать внимание не столько на официальных документах и статистических данных, сколько на результатах научных исследований и аналитических докладах представителей экспертного сообщества.

При этом мы старались насколько это было в наших силах и исходя из наших возможностей соблюсти баланс во мнениях на характер российско-китайского сотрудничества и в первую очередь в локации ДВ—СВК. Говоря о соблюдении баланса, мы имели в виду не только расхождения во мнениях между отечественными и зарубежными экспертами и исследователями, но и между представителями различных научных дисциплин. Наконец, насколько это было возможно мы старались соблюсти баланс между исследованиями, имеющими

преимущественно теоретический и методологический характер, с одной стороны, и эмпирическими — с другой.

Естественно, начнем с публикаций отечественных авторов, которые с известной долей условности можно объединить в следующие тематические группы.

Первая — это публикации, отражающие результаты исследований экономических аспектов российско-китайского сотрудничества, выполненных в первую очередь сотрудниками ИЭИ ДВО РАН¹³². Характерная особенность академических публикаций — широкое использование методов статистического анализа, что позволяет не только получить количественные оценки торгово-экономических связей между ДВ и СВК, но и прогнозировать их будущее состояние.

Вторая группа источников — это публикации, имеющие непосредственное отношение к той области научных исследований, которую обычно обозначают как международные отношения. Это, пожалуй, самая многочисленная группа и самая интернациональная. Наибольший интерес для целей нашего исследования представляли аналитические доклады Валдайского клуба, а также ряд публикаций Совета по внешней и оборонной политике и некоторых других экспертных сообществ¹³³.

В третью группу мы объединили работы отечественных и отчасти зарубежных авторов, посвященные современным проблемам регионализма¹³⁴ и в том числе проблемам формирования трансграничных регионов. Особо следует выделить исследования сотрудников ТИГ ДВО РАН по проблемам (прежде всего природопользования) в Амурском трансграничном регионе¹³⁵.

Четвертая группа объединяет исследования историков (преимущественно отечественных), прежде всего дальневосточных, в которых особого внимания заслуживает серия работ по истории ДВ и работ по истории СВК¹³⁶.

Что же касается работ зарубежных исследователей, то их в свою очередь можно объединить в следующие рубрики:

социологические теории, прежде всего, те из них, которые имеют непосредственное отношение к социальному пространству, его производству и взаимоотношению с физическим (физико-географическим) пространством. В первую очередь это концепция производства социального пространства А. Лефевра¹³⁷, а также концепция мобильностей Д. Урри¹³⁸ и структуриации Э. Гидденса¹³⁹, которые создают предпосылки для введения пространства в сферу дисциплин социально-гуманитарного цикла; особого упоминания заслуживают попытки

привнесения положений теории сложности в область международных отношений¹⁴⁰;

теории международных отношений прежде всего те, которые связаны с попытками объяснить те изменения, которые произошли в системе международных отношений в годы после окончания холодной войны¹⁴¹.

теория сложности¹⁴², в той ее части, которая рассматривает пространственность как свойство имманентно присущее сложным системам¹⁴³;

региональная концепция и регионализм, прежде всего те работы, которые имеют непосредственное отношение к проблемам регионализма¹⁴⁴, в целом, и исследованию трансграничных регионов, в частности¹⁴⁵;

российско-китайские отношения и в том числе на Дальнем Востоке, наиболее многочисленный корпус текстов по большей части представленный работами европейских ученых и экспертов¹⁴⁶, в меньшей степени — из США¹⁴⁷, и, к сожалению, в еще меньшей степени — из КНР.

2.2. Обзор методологических подходов, используемых в исследовании российско-китайского сотрудничества на региональном уровне

Будучи крайне сложным феноменом российско-китайское сотрудничество как объект исследования не может быть отдан на откуп той или иной дисциплине. По этой причине исследовательская программа просто обречена иметь междисциплинарный характер.

По-нашему мнению, своеобразным твердым ядром научно-исследовательской программы, предлагаемой авторами препринта, может стать региональная концепция, дополненная теорией сложности (theory of complexity)¹⁴⁸ и теоретическими концепциями из области международных отношений¹⁴⁹.

Естественно, что, имея дело со сложным социальным феноменом в качестве объекта исследования, авторы не могли игнорировать и результаты теоретических поисков в социально-гуманитарных дисциплинах.

В первую очередь речь идет о целом ряде теоретических концепций, таких как производство пространства А. Лефевра, структуризации Э. Гидденса и мобильностей Д. Урри, которые, с известной долей ус-

ловности, можно рассматривать, пользуясь терминологией И. Лаактоша, как защитный пояс научно-исследовательской программы. И уж коль речь зашла о защитном поясе предлагаемой научно-исследовательской программы, то она преимущественно состоит не столько из упомянутых выше теоретических концепций (при всей их значимости), сколько из практики применения этих концепций при принятии решений в политической, экономической, культурной и иных сферах жизнедеятельности общества. Здесь, несомненно, на первые роли выходит регионализм, в самых, что ни на есть различных формах, это — старый регионализм, новый регионализм, компаративистский регионализм. Но помимо упомянутых регионализмов, отражающих эволюцию регионализма, существуют еще и географически обособленные регионализмы — европейский, латиноамериканский, восточноазиатский и прочие регионализмы. Но и это не все, в последние десятилетия происходит осознание того, что регионализм, это — не только явление межгосударственных взаимодействий, но взаимодействий агентами которых выступают регионы субнационального уровня.

Теперь предельно кратко о твердом ядре предлагаемой научно-исследовательской программы и начнем с региональной концепции, в рамках которой регион все чаще воспринимается как социальный конструкт¹⁵⁰, а не как некая территориальная целостность — это, во-первых. Во-вторых, границы региона не только подвижны, но и проницаемы, иначе говоря, пористые. То есть регион принимается как открытая система, находящаяся в постоянном обмене с внешней средой.

Что же касается внешней среды, то здесь следует иметь в виду, что она имеет, как минимум, двухкомпонентную структуру. Первый компонент — это, природные пространственные системы, в которые вписаны социальные конструкты, то есть регионы; второй — это, как минимум, сопредельные регионы.

3. КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АТР

3.1. Ключевые факторы сотрудничества

Традиционный набор ключевых факторов следует рассматривать в контексте изменений (как в экономической ситуации внутри страны, так и в системе внешнеэкономических связей РФ), вызванных специальной военной операцией на Украине и последовавших беспрецедентных по масштабу санкций со стороны практически всех экономически развитых стран (ЕС, США, Канада, Япония, Австралия).

Набор ключевых факторов сотрудничества давно известен и достаточно подробно освещен в научной литературе¹⁵¹. Более того, отчасти они были рассмотрены нами выше. Поэтому авторы данного препринта посчитали возможным сфокусировать внимание на текущих проблемах.

По-нашему мнению, как минимум по 2024 г., будет иметь место адаптация российской экономики и экономики ДВ, в том числе, к новым условиям, т. е. функционированию в условиях санкций. Скорее всего, произойдет упрощение структуры экономики за счет выпадения видов экономической деятельности, вписанных в международные цепочки создания стоимости. Применительно к экономике ДВ (как и другим региональным экономикам с высоким удельным весом добывающих отраслей) скорее всего следует ожидать не столько «упрощения» отраслевой структуры (которое, несомненно, будет иметь место), сколько снижения эффективности по причине затруднения входа на

глобальные рынки технологий и оборудования, используемых в настоящее время предприятиями добывающих отраслей. Это обстоятельство скажется на состоянии транспортно-логистического комплекса ДВ, прежде всего на осуществлении им транзитных функций.

Уход из экономики РФ и ДВ крупных, в том числе транснациональных, компаний приведет к появлению на российском и дальневосточных рынках ситуации, когда фирмы КНР будут единственными или немногими покупателями продукции дальневосточных производителей, то есть монополии.

Еще одним следствием действия санкций в рассматриваемом периоде следует признать рост неформальной (но не обязательно криминальной) экономики.

Другой фактор, который будет определять развитие российско-китайских отношений — институциональная неопределенность; институты регионального развития как РФ, так и ДФО, в частности, равно как и КНР, будут находиться в поиске механизмов (инструментов) адаптации к новым условиям.

3.2. Основные направления российско-китайского сотрудничества

В сложившейся к настоящему времени геополитической ситуации вокруг России и специфики ДВ как субъекта международных отношений не стоит ожидать появления каких-либо новых направлений российско-китайского сотрудничества, хотя бы в силу того, что угроза санкций, включая вторичные санкции, очень сужает потенциал сотрудничества, причем не только в экономической, но (хотя и в меньших масштабах) в социально-культурной сфере.

Тем не менее, есть все основания предположить, что при условии введения соответствующих институциональных изменений можно ожидать восстановления (при условии отмены антиковидных мер в КНР) приграничной торговли, которая в отличие от других форм торгово-экономических отношений в меньшей мере будет находиться под воздействием санкций.

Скорее всего, аналогичная ситуация будет иметь место и в сфере туризма, с акцентом на вовлечение в туристические обмены жителей ДВ и СВК, что потребует определенных усилий для продвижения конкретных туристических дестинаций по обе стороны государственной границы.

Велика вероятность, что удастся организовать совместные исследования силами научных организаций ДВ и СВК в сфере рационального природопользования на сопредельных территориях, кросс-культурных взаимодействий, изучения культуры и хозяйства малочисленных народов Приамурья и Приморья, проживающих по обе стороны государственной границы и т. д.

Остаются возможности восстановления культурных обменов в трансграничном регионе ДВ—СВК.

4. ДВ РОССИИ И СВ КИТАЯ. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В условиях турбулентных сред (как в стране, так и за ее пределами) и институциональной неопределенности вряд ли возможно говорить о каком-то одном сценарии¹⁵². Скорее всего, следует формировать несколько сценариев с учетом состояния внешних и внутренних сред, а также имея в виду неоднородность социоэкономического пространства ДВ. Именно последнее обстоятельство свидетельствует в пользу того, что наибольшие шансы в российско-китайских отношениях во всех прогнозных периодах (т. е. на ближайшие 3—5 лет) имеют приграничные с КНР территории, в первую очередь городские агломерации Благовещенска, Хабаровска и Владивостока, которые обладают необходимым минимум соответствующей инфраструктуры, а локализованные в их пределах фирмы, как и органы власти и управления, соответствующим опытом.

Если принять, что в обозримой перспективе геополитический фактор будет определять масштабы и структуру российско-китайского сотрудничества между ДВ России и СВ Китая, то можно сформулировать, как минимум, два принципиально отличных друг от друга сценария (что не только отменяет появления многочисленных «промежуточных» стратегий, а скорее их предполагает).

Первый исходит из того, что существующий режим санкций, который (о чем редко упоминают), направлен не только против экономики РФ, но и практически всех видов общественной жизни, сохранится и тогда неизбежна структурная перестройка и экономики, и институтов. Результатом (как свидетельствует опыт стран, находящихся длительное время под международными санкциями) станет в ближайшие 2—3 года адаптация экономики (и не только экономики) к внешним шокам, которая будет сопровождаться экономическим

спадом, деградацией структуры экономики, снижением ее эффективности, падением доходов населения.

В экономике можно ожидать увеличение удельного веса неформального сектора и самозанятости населения; уход из экономики крупных китайских компаний и западных ТНК, несомненно, приведет не только к деградации территориально-отраслевой структуры экономики ДВ, но и к увеличению удельного веса малых и средних предприятий, не только в сервисных, но и в производственных отраслях. Ожидать в этот период возобновления, а тем более, появления новых масштабных инвестиционных проектов, маловероятно.

По изложенным выше причинам, приоритетное значение приобретает приграничная торговля, при максимально возможном вовлечении в нее представителей малого и среднего бизнеса.

По прошествии периода адаптации к внешним шокам можно ожидать, снижения уровня неопределенности, стабилизацию экономики и даже более или менее умеренный рост; скорее всего темпом 1—2 %, то есть темпом, который имел место в 2014—2019 гг. При этом следует иметь в виду, что динамика экономики дальневосточного региона будет определяться не только геополитическими факторами, но и конъюнктурой на рынках товаров дальневосточного экспорта Китая (в том числе и в первую очередь СВК) и других сопредельных стран Японии и Республики Корея в частности.

Если же рассматривать положение в других сферах российско-китайского сотрудничества, то есть основания предположить, что в социально-культурной сфере удастся сохранить (при условии снятия в КНР антиковидных мер) достигнутый уровень сотрудничества.

В первую очередь речь идет о совместных исследованиях трансграничных природных экосистем в бассейне Амура с целью выявления их природно-ресурсного потенциала и/или предотвращения опасных природных процессов и явлений¹⁵³, а также комплексных исследований этнических групп, проживающих по обе стороны границы, организации археологических экспедиций и т. д.

Другое направление сотрудничества в социально-культурной сфере — обмен студентами и преподавателями вузов, а также обмена музыкальными и театральными коллективами, выставками и т. п.

Еще одно направление, которое достаточно быстро может выйти на уровень, предшествующий пандемии, это — туризм. Конечно, отчасти это будет туризм «челноков», то есть в какой-то (скорее всего в более цивилизованной форме) следует ожидать поворота в 1990-е годы. Тем не менее, в региональных столицах юга ДВ — во Владиво-

стоке, Хабаровске, Благовещенске уже в настоящее время создан необходимый минимум инфраструктуры туризма. Что же касается СВК, то в его пределах существует как минимум несколько аттракторов для массового турпотока из пределов ДВ макрорегиона.

Второй сценарий: режим санкций будет отменен или существенно ослаблен (скажем, до уровня 24.02.2022 г.). Но трудно представить, что это будет одномоментный акт. Поэтому и в этом случае потребуется период адаптации к внешним шокам, который, скорее всего, будет вряд ли менее продолжительным, чем в предыдущем сценарии. Помимо всего прочего потребуется время, чтобы восстановить хотя бы приемлемый уровень доверия и преодолеть репутационные издержки.

Сценарии развития в сфере торговли в период до 2024 г. — развитие приграничной торговли в том виде и тех же масштабах (но в более цивилизованных формах), которые были характерны для начала 1990-х годов, а также «параллельного импорта». Можно ожидать, что основной товарные потоки из КНР составят традиционные товарные группы (несложная бытовая техника, продукты питания, включая фрукты, овощи; одежда, обувь и т. п.).

Туризм, по крайней мере, въездной из КНР в ДФО до 2024 г. в лучшем случае достигнет масштабов 2019 г., то есть начала пандемии.

Наука и (высшее) образование в периоде до 2024 г. вряд ли имеют шансы на развитие, в лучшем случае, российско-китайские отношения в этой сфере останутся на нынешнем уровне в силу ограниченности научного потенциала и его концентрации в немногих региональных столицах ДВ (прежде всего во Владивостоке и в Хабаровске).

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ О социоэкономическом пространстве: А.Н. Швецов [2015, 2021].

² Сказанное вовсе не означает, что авторы отрицают потребность в появлении новых (или переосмыслении старых) теоретических концепций, а только то, что мы против «новизны» ради «новизны». И не более того.

³ Скорее всего прав А.А. Киреев, который полагает и не без оснований, что «Многие пишущие о приграничном сотрудничестве избегают определять его именно потому, что всякая добросовестная попытка такого определения очень скоро обнаруживает неочевидную поначалу глубину, сложность и запутанность вопроса» [Киреев 2021, с. 9].

⁴ Хотя следует признать: в экономической сфере поведение фирм действительно находится в континууме от самой что ни на есть жесткой конкуренции (как ценовой, так и неценовой) до сотрудничества, вплоть до создания альянсов, объединяющих партнеров (а иногда и конкурентов) по бизнесу по обе стороны государственной границы.

⁵ Показательно, что в различных социально-гуманитарных дисциплинах сложилось свое понимание «региона»: в географии, это — субнациональные пространственные системы; в политологии — наднациональные; в антропологии — локальные и т.д. Показателен обмен мнениями относительно содержания термина «регион» на страницах журнала «Ойкумена»: Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Кузнецов А.М., Ярулин И.Ф. [2021].

⁶ Подробно, насколько это возможно в рамках препринта, региональная концепция и проблемы регионализма в разделе 2.2.

⁷ Paasi A. [1991, p. 239].

⁸ Достаточно подробно этот вопрос был рассмотрен в ряде публикаций последних лет: Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. [2020]; Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. [2018]; Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. [2020].

⁹ Для целей анализа российско-китайского сотрудничества возможен и зональный принцип делимитации ДФО, что предполагает выделение, как минимум, следующих макрозон: Арктическая (Крайний Север), Северная (Дальний и Ближний Север) и Южная. Более того, зональный принцип делимитации дополняет

инструментарий присущий региональной концепции: Вишнеvский Д. С., Демьяненко А. Н. [2010]; Демьяненко А.Н. [2018].

¹⁰ О ландшафтньх зонах и макрорегионах [Исаченко А.Г. 2008].

¹¹ [Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. 2008. С. 48].

¹² В свое время один из авторов данного препринта предпринял попытку осмысления исторического опыта применительно к исследованию территориальной организации общества: Демьяненко А.Н. [1991]. См., также: Демьяненко А.Н. [2003]; Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. [2009].

¹³ Эта точка зрения была сформулирована в ряде работ сибирских исследователей в 1980-х гг. См., например, Алексеев В.В. [1986]; Алексеев В.В., Василевский Р.С., Горюшкин Л.М. [1986]; Горюшкин Л.М. [1988].

¹⁴ Более подробно об упомянутых (и не упомянутых) теориях и методологических подходах — ниже, в следующем разделе препринта.

¹⁵ О становлении дальневосточного макрорегиона: Демьяненко А.Н. [2017]. Что же касается становления макрорегиона СВК или иначе Маньчжурии, то из отечественных работ не потеряли своего значения работы В.А. Анучина [1948]. Из современных работ отечественных авторов, исследовавших эволюцию теорию и практику экономического районирования КНР, упомянем Александрова М.В., Коханова В.С. (2020) и Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. (2008). Что же касается зарубежных авторов, то особого упоминания заслуживает работа С. Cartier [2002], в которой содержатся обстоятельный анализ эволюции концепции макрорегиона в контексте исследования Китая в академическом сообществе, в том числе и китайском.

¹⁶ Из работ последних лет: Аблова Н.Е. К [2005]; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. [2004]; Жигалов Б.С. [2008]; Лукоянов И.В. [2004]; Лукоянов И.В. [2008]; Самойлов Н.А., Старовойтова Е.О., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. [2016]; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. [2009]. Из более ранних работ считаем уместным упомянуть: Анучин В.А. [1948]; Романов Б.А. [1928].

¹⁷ Аблова Н.Е. К [2005: 18]

¹⁸ Идея транспортно-колонизационного комбината впервые была озвучена еще до 1917 г., хотя к ее реализации приступили в 1920-е гг.: Колонизационно-экономические задачи железньх дорог (в связи с колонизационной работой Мурм. ж.д.). [1926]; Чиркин Г.Ф. [1928]. 135 с. + картосхема. Применительно к условиям ДВ этот сюжет освещен в: Целищев М. [1926].

¹⁹ Здесь будет уместным привести мнение В.В. Алексеева с соавторами: «... дисбаланс интересов в развитии русско-китайской торговли показывает, что в долговременном плане стремление России превратить свои азиатские территории в «мост» транзитной торговли между Европой и Востоком терпит кризис на фоне постепенного стягивания основных торговых ресурсов Китая к его приморским районам, где возрастающую активность в дальнейшем развивают европейские державы. С геополитической точки зрения, в этом можно усматривать глобальную тенденцию укрепляющегося лидерства морских держав в развитии мировой тор-

товли и, соответственно, снижения значения трансконтинентальной сухопутной торговли до маргинального уровня» [Алексеев, 2004: 46].

²⁰ Значению Транссиба посвящена огромная литература, к тому же этот сюжет далеко не самый значимый для нашего исследования, поэтому ограничимся лишь следующей цитатой: С 1897 по 1914 г. население Сибири увеличилось с 4,6 до 7,6 млн человек, население ДВ — с 0,9 до 1,6 млн [Корелин, Степанов, 1998: 113].

²¹ Здесь уместно привести мнение В.А. Анучина: «Русские буквально «открыли» Маньчжурию для остального мира, в том числе и для Китая» и это «открытие» сопровождалось ростом численности населения с 8,1 млн человек в 1891 г. до 15,8 млн человек. В 1908 г. [Анучин, 1948: 42].

²² Лукоянов И.В. [2008. С. 116].

²³ Абалова, 2005:18

²⁴ По данным В.В. Граве «...наибольшее количество рабочих желтой расы падает на приморскую область, где в среднем работало за последнее 5-летие около 82 000 человек, из коих 77 000 вообще на казенных работах Уссурийского участка Китайско-Восточной жел. дор. и ее поставщиков, т.е. 78 % всей рабочей силы на казенных там работах, достигающей 105 000 человек [Граве В.В. С. 7.].

²⁵ По сведениям золотопромышленников, а также горных исправников и инженеров количество китайцев, работающих на приисках, выражается в следующих цифрах: в 1906 г. — 5933; 1907 г. — 7041; 1908 г. — 17 460; 1909 г. — 30 429. [Граве В.В. С. 63.].

²⁶ [Граве В.В. С. 7.].

²⁷ «...в Приамурском Генерал-Губернаторстве за 1909 и 1910 гг. насчитывается 3528 и 4818 торговых и промышленных предприятий желтолицых при 5266 и 7027 русских и др. иностранцев, с оборотом в 1909 г. в 24 939 670 руб и в 1910 г. 38 815 038 руб. — против оборота русских и др. иностранцев в 77 167 951 в 1909 г. и 158 303 954 руб. в 1910 г. Для составления правильного понятия о количестве китайских предприятий в Крае из общей суммы их за 1909 год следует вычесть 628 японских предприятий и прибавить не подающееся учету количество китайцев, торгующих в развоз по городам и селам...» [Граве В.В. С. 27—8.].

²⁸ Во многом благодаря государственной поддержке КВЖД возникли две лесные концессии русских предпринимателей, с лесоперерабатывающими предприятиями и угольные копи. В обрабатывающей промышленности российским предпринимателям принадлежали мельницы, мыловаренные, спиртоводочные, сахарные заводы. Торговый дом «И.Я. Чурин» имел в Маньчжурии собственности на 3 млн рублей. Его отделения были в Харбине, Мукдене, Цицикаре. В целом к 1914 г. российские частные вложения в Маньчжурии составили почти 91 млн рублей. [Жигалов 48].

²⁹ Для справки: динамика численности населения Харбина 1898 г. (год основания города) — 100 тыс. человек; 1913 г. — 229 тыс.; 1931 г. (т.е. накануне японской оккупации) — 597 тыс. Для сравнения численность трех крупнейших городов ДВ: Хабаровск — 15, 52, 69; Владивосток — 29, 66 (на 1915 г.), 140; Благовещенск — 33, 70, 57 тыс.

³⁰ Любопытный факт: сотрудники Центрографической лаборатории при Географическом обществе (1926—1933 гг.) определяли местонахождение экономического центра советского (!) ДВ в районе Харбина [Полян 1989:30].

³¹ Относительно формирования этого трансграничного региона: см. также Изотов Д.А. [2014].

³² Это мнение все больше разделяют как отечественные, так и китайские исследователи. См., например, [Абалова 2005; Бляхер Л.Е., Бляхер А.Л. 2022; Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. 2016].

³³ [Схиммельпенник ван дер Ойе Д 2009: 293].

³⁴ Приведем только некоторые данные: «В 1913—1914 гг. в морях и реках Дальнего Востока добывалось не менее 10—12 млн пудов рыбы (14—15 % общероссийской добычи) и других продуктов моря». [История Дальнего Востока СССР: 313].

³⁵ Перед первой мировой войной Владивосток вошел в число пяти крупнейших морских портов России. За 1906—1913 гг. общий грузооборот порта вырос в 3,4 раза и достиг 89,7 млн пудов. ... в 1914 г. 80,8 млн пудов, в 1915 г.— 117,8 млн, в 1916 г.— 160,4 млн пудов. За 1914— 1916 гг. грузооборот Уссурийской железной дороги увеличился на 54,4 %, КВЖД — на 97 %; Амурская железная дорога только за год временной эксплуатации (1916) перевезла 31,3 млн пудов грузов. [История Дальнего Востока СССР: 311, 319].

³⁶ Показательно, что развитие промышленности и в первую очередь обрабатывающей шло на качественно новой технологической основе. Только один пример: «По оборудованности мельницами Благовещенск уступает в России только Н.-Новгороду и Саратову — он может перемолоть 16 млн пуд. Вообще край характеризуется преобладанием парового размола: водяной и ветряной ничтожны — 3.5 %, а в России наоборот паровой помол составляет всего 14—18 %» [Митинский: 40].

³⁷ Здесь можно было бы привести множество данных относительно благосостояния жителей Приморья и Приамурья, но мы посчитали возможным вместо этого привести цитату: «Приамурский земледелец живет так, как может представиться крестьянину земледельцу большинства губерний Европейской России только во сне, или в сказке...» [Шликевич 1911: 38].

³⁸ Следует отметить, что уже в ходе Амурской экспедиции 1910 г., целью которой было изучение района будущей Амурской ж.д., принимали участие не только исследователи из столиц, но и местные специалисты. Подробно об Амурской экспедиции 1910 г. [Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. 2010; Ли Е.Л., Демьяненко А.Н. 2010].

³⁹ Основная идея этой политики заключалась в мирном проникновении, прежде всего экономическом, а не в занятии территории Маньчжурии, и была по мнению Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, «уникальной для России того времени» [Схиммельпенник ван дер Ойе 2009:105].

⁴⁰ [Жигалов 40].

⁴¹ [Лукоянов 2008: 118].

⁴² См., например, уже не раз упоминающуюся работу [История Дальнего Востока СССР].

⁴³ [Колосовский 1925: 236].

⁴⁴ [Колосовский 1923:102].

⁴⁵ Там же. 103.

⁴⁶ Там же. С. 107.

⁴⁷ Цит. по: [История Дальнего Востока Т. 3. Кн. 2. С. 141].

⁴⁸ И хотя действительно имела место достаточно четкая локализация сотрудничества, все-таки следует учитывать контекст. И здесь важно иметь в виду, как минимум два обстоятельства. Первый, «Если для европейских держав Китай продолжал оставаться объектом колониальной экспансии, то России приходилось в новых условиях рассматривать китайский фактор прежде всего с позиции собственной безопасности» [Алексеев и др.: 58]. Второй — «Забота о мире всегда оставалась первостепенной, именно она играет важнейшую роль на протяжении всей истории Китая» [Елисеєфф В и Д: 18]. При этом, как справедливо отмечают В. и Д. Елисеєфф «Китай, несомненно, грешил китацентризмом ... Следствием этого стало осознание, что все могло бы китаизироваться. Это осознание породило чувство собственного превосходства, выраженное в концепции Срединной империи, к которому следует добавить и ощущение собственной необычности. [Елисеєфф В и Д: 9].

⁴⁹ [Ремнев 2004: 520].

⁵⁰ И это несмотря на вполне определенные различия в понимании того, что есть марксизм-ленинизм у советских и китайских коммунистов, которые чем дальше, тем больше стали проявляться и в конечном итоге привели к конфронтации.

⁵¹ Подробно об организации и результатах этой экспедиции в: [Маклаков 2019].

⁵² С мая 1956 г. по июнь 1958 г. в Китай из Хабаровска было направлено 37 туристических групп — более 550 человек. А по состоянию на май 1959 г. число трудящихся Хабаровского края, посетивших Китай, уже превысило 800 человек. В 1960 г. из Хабаровского края в КНР выехало 220 человек. Показательно, что первая группа китайских туристов посетила Хабаровск только в 1959 г [Мир после войны: 95].

⁵³ [Александрова М.В., Коханова В.С., 2020:8].

⁵⁴ [Демьяненко А.Н., Изотов Д.А., 2008: 49, 57].

⁵⁵ Заказы для КНР выполняли заводы «Амурсталь», «Энергомаш», «Амурлитмаш», «Амуркабель», завод им. Горького, «Дальсельмаш», Комсомольский нефтеперегонный завод, Свободненский завод автодеталей, «Амурский металлист» и др. [Мир после войны: 87]. Здесь уместно отметить, что в масштабах экономики ДВ перечисленные предприятия имели немалый вес, но ни одно из них не было сколько-нибудь значимым в масштабах экономики СССР.

⁵⁶ Даже на пике российско-китайского сотрудничества, то есть на конец 1950-х годов «доля взаимного приграничного товарооборота в общем государственном составляла всего 0,4 %» [Мир после войны: 92],

⁵⁷ Здесь, с одной стороны, в явном виде имела место своего рода преемственность с программой С.Ю. Витте, о которой шла речь выше, а с другой — решение геополитической задачи: создание центра силы, опирающегося в том числе и на гигантский потенциал Китая, противостоящего Западу во главе с США.

⁵⁸ [Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.: 143].

⁵⁹ Показательно, что СВК и прежде всего провинции Хэйлуцзян и Цзилин, оказались не готовы к встраиванию в систему международного разделения труда. Причем эта проблема не решена до настоящего времени, так «доля Северо-Востока во внешней торговле страны упала с 11,2 % в 1980 г. до 3,3 % в 2016 г.» [История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5.: 184].

⁶⁰ Минакир П.А. 2006; Минакир П.А. 2017; Минакир П.А., Прокапало О.М. 2010; Синтез научно-технических и экономических прогнозов, 2011; Экономическая Тихоокеанская Россия — 2030, 2010; Экономическая интеграция: пространственный аспект, 2004.

⁶¹ Демьяненко А.Н., Горюнов А.П., Кондратенко Г.В., Исаев А.Г. 2019:90

⁶² Об особенностях политических процессов в дальневосточных субъектах РФ и Китая: [Бляхер Л.Е., 2012; Коуз Р., Ван Н., 2016].

⁶³ [Коуз Р., Ван Н. 2016: 11].

⁶⁴ По мнению китайских экспертов, с которым трудно не согласиться, в 1990-е годы «...экономическое взаимодействие Китая и России на Дальнем Востоке осуществлялось преимущественно снизу вверх, тогда как правительства двух стран не имели каких-либо механизмов регулирования и контроля в развитии «спонтанной» трансграничной торговли, что приводило к некоторым негативным последствиям для её участников» [Шаолэй Ф., Хэн Ц. 2019:16].

⁶⁵ Конечно, не все туристы были «челноками», как и не все «челноки» были участниками «серых» схем перемещения товаров на территорию ДВ. Но факт, что в конце 2000 х годов почти 90 % от общего числа иностранных туристов, прибывших в Хэйлуцзян, достаточно красноречив [История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5: 208].

⁶⁶ В 1993 г. торговля с Китаем формировала 90 % всего внешнеторгового оборота Дальнего Востока. С 1992 по 1994 г. эта доля достигала 50 % внешней торговли Хабаровского и Приморского краёв [Шаолэй Ф., Хэн Ц. 2019:15].

⁶⁷ С 1990-х годов ежегодный приток трудовых ресурсов из Китая вырос с 10 до 20 тыс. человек. С начала нового столетия число китайских трудовых мигрантов на Дальнем Востоке установилось на уровне 30—40 тыс. человек. [Шаолэй Ф., Хэн Ц. 2019:15].

⁶⁸ [История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5.: 195].

⁶⁹ Там же. С. 200.

⁷⁰ Дело в том, что торговые компании СВК (и прежде всего те, которые находились в приграничной полосе), осуществлявшие внешнеторговую деятельность, стали своего рода монополистами на предоставление специфических посреднических услуг для компаний из других регионов КНР.

⁷¹ [История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5.: 205].

⁷² К Великому океану: хроника поворота на Восток, 2019: 20—21.

⁷³ Там же. С. 21.

⁷⁴ См.: Стратегия для России: 2000; Новое освоение Сибири и Дальнего Востока, 2001.

⁷⁵ Блаккисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р. 2018:10.

⁷⁶ Стратегия для России: повестка для президента-2000: 265—266.

⁷⁷ Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. 2001. Часть 1: 6. Почти через два десятилетия, уже китайские эксперты, пришли практически к аналогичным выводам: «Лишь когда оба фланга евразийского пространства будут по-настоящему сбалансированы, Россия сможет претендовать на статус современной мировой державы» [Шаолэй Ф., Хэн Ц. 2019:5].

⁷⁸ Там же. С. 7.

⁷⁹ [Шаолэй Ф., Хэн Ц. 2019. С. 11].

⁸⁰ Блаккисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р. 2018: 5.

⁸¹ Трудно представить, что известная «мюнхенская речь» В.В. Путина 2007 г. была экспромтом.

⁸² Справедливости ради стоит отметить, что есть и другие мнения по этому вопросу: так, С. Луконин считает, что «Поворота России к Азии не существует. «Восточная политика» является более точной характеристикой деятельности России по восстановлению баланса ее внешнеэкономических отношений, которые по-прежнему чрезмерно сосредоточены на Европейском союзе (ЕС). Таким образом, Россия компенсирует потери, вызванные санкциями. Однако эта восточная политика не является альтернативой российско-европейскому сотрудничеству. Рост экономических и политических связей между Россией и Китаем, а также с Японией и Южной Кореей не заменил отношения России с ЕС» [China—Russia Relations and Regional Dynamics 2017:3].

⁸³ [К Великому океану, или новая глобализация России, 2012: 7].

⁸⁴ Там же. С. 8.

⁸⁵ Там же. С. 9.

⁸⁶ К Великому океану — 2. С. 5.

⁸⁷ Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia?. С. 3.

⁸⁸ Интересы России в азиатско-тихоокеанском регионе 2012. С. 13.

⁸⁹ Естественно, что коль Министерство было создано, то оно активно стало продуцировать самые различные институциональные новации, которые, по мнению их разработчиков, должны обеспечить социально-экономическое развитие, но об этом ниже. Здесь же ограничимся тем, что приведем мнение Х. Блаккистру-

да о Министерстве и о системе государственного регионального регулирования. «В постсоветский период это «стремление к планированию» проявляется в вере в то, что государство может само решать проблемы посредством стратегического планирования, бюрократической реорганизации и целевых государственных программ... В то же время такой ... подход сосуществует с изрядной долей ... «ручного управления». ... Таким образом, руководство и высшие должностные лица «вынуждены заниматься региональными, даже местными проблемами ... а не фокусироваться на стратегических вопросах» [Blakkisrud 2018: 12]. И далее, создание Министерства: «...попытка совместить традиционно централизованный подход Москвы к формированию политики со смелым признанием трудностей реализацией политики в регионе, чрезвычайно отдаленном как во времени, так и в пространстве» [Blakkisrud 2018: 13].

⁹⁰ Интересы России в Азиатско-Тихоокеанском. С. 18.

⁹¹ Здесь будет уместным напомнить, что «Поворот России на Восток был задуман, во многом исходя из геостратегических и геоэкономических соображений. ... для того чтобы сохранить и приумножить свое влияние на глобальном уровне, России необходимо качественно улучшить свои отношения с незападным миром в его расширенном понимании» [Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. 2020:9].

⁹² [К Великому Океану — 2, 2014:5].

⁹³ К Великому океану — 3. С.8.

⁹⁴ Караганов 2016:5. Показательно, что в следующем аналитическом докладе мы находим: «Поворот России на Восток, многократно провозглашавшийся, но реально начавшийся политически и экономически только в 2011—2012 гг., во многом произошёл» [К Великому океану — 5, 2017:5].

⁹⁵ Караганов 2016:6.

⁹⁶ [Вперёд к Великому океану — 6. 2018:7].

⁹⁷ [К Великому океану: хроника поворота на Восток, 2019:9].

⁹⁸ Более подробно о самой концепции Большой Евразии: [Вперёд к Великому океану — 6, 2018; Караганов С.А. 2016; Караганов С.А. 2019, Караганов С.А. 2022; Kostem S. 2019; Lukin A., Novikov D. 2021; Trenin D. 2002; Trenin D.2015].

⁹⁹ Д. Тренин отмечает, что с нового уровня взаимоотношений между Россией и Китаем, достигнутого в 2014 г., отношения между Москвой и Пекином, скорее всего, приведут к тому, что «Вместо Большой Европы от Лиссабона до Владивостока создается Большая Азия от Шанхая до Санкт-Петербурга» [Trenin D.2015:15]. Несколько иной точки зрения на причины появления и цели Большой Евразии придерживаются зарубежные политологи. Так, С. Кёстем считает, что «Идея Большого евразийского партнерства возникла в тот момент, когда в Кремле поняли, что избежать изоляции от Запада невозможно. Потеряв в 2014 г. Украину для Евразийского экономического союза (ЕАЭС) навсегда, России пришлось переориентировать свои интеграционные цели на постсоветском пространстве. Большое евразийское партнерство преследует две широкие экономические цели. Во-первых, он направлен на подключение России и ЕАЭС к китайской инициати-

ве «Один пояс, один путь» (ОПОП). Его вторая, меньшая цель — выйти за пределы Китая и соединить ЕАЭС с Ираном, Индией и Юго-Восточной Азией» [Kostem S.2019:2].

¹⁰⁰ Караганов С.А. 2022; Котляков В.М., Шупер В.А.2019; 2022.

¹⁰¹ Котляков В.М., Шупер В.А.2019: 365.

¹⁰² Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. 2016.

¹⁰³ Котляков В.М., Шупер В.А.2019: 370.

¹⁰⁴ Котляков В.М., Шупер В.А. 2022: 11.

¹⁰⁵ Интересно, где же авторы обнаружили столь неприглядный портрет жителя Западного мира. Очень хотелось бы познакомиться с теми научными публикациями на основе которых авторы нарисовали этот портрет. Конечно, если не считать статью С.А. Караганова в этом же сборнике, в которой мы находим следующий пассаж: «... европейская идея, лежавшая в основании создания ЕЭС—ЕС, выработалась и зашла в тупик. И теперь Европа стремительно теряет не только стратегические позиции в мире, но и накопленный десятками поколений моральный капитал. Началось относительное обеднение в недавнем прошлом самого богатого региона мира» [Караганов С.А. 2022: 18].

¹⁰⁶ Котляков В.М., Шупер В.А. 2022: 14.

¹⁰⁷ Там же. С. 14.

¹⁰⁸ [Караганов С.А. 2022: 18].

¹⁰⁹ [Аганбегян А.Г.2019: 170].

¹¹⁰ [Караганов С.А. 2022: 23].

¹¹¹ Там же. С. 23.

¹¹² Вперёд к Великому океану — 6. 2018: 6.

¹¹³ Приведем ряд статистических данных для иллюстрации положения дел в торгово-экономических отношениях РФ и стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Итак, Китай. «В 2021 г. на долю Китая приходилось 14 % экспорта российских товаров и 24 % импорта. Напротив, Россия не среди ведущих торговых партнеров Китая, а доля России в китайской торговле практически не изменилась в течение последнего десятилетия. В экспорте китайских товаров она составляет около 2 %, а в импорте — около 3 %» [Korhonen L., Simola N.2022:11]. Япония «В 2015 г. двусторонний товарооборот составил 21,2 млрд долл., что на 30,9 % меньше показателя предыдущего года. В 2016 г. товарооборот вновь сократился, составив 16 млрд долл.». Республика Корея «Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Республикой Корея пока не соответствует своему потенциалу. Товарооборот между странами за последние два года сократился на 45 %, опустившись до значения в 15,1 млрд долл.». Страны АСЕАН «С.16. В 2016 г. объем товарооборота между Россией и странами АСЕАН составил всего 13,6 млрд долл. Таким образом, в настоящее время Россия во внешней торговле АСЕАН занимает лишь восьмое место, уступая Китаю более чем в 25 раз». Индия «По данным ФТС РФ, в 2015 г. Индия заняла 17 место среди российских торговых партнеров, в то

время как Россия среди индийских внешнеторговых партнёров оказалась на 33 месте». [К Великому океану — 5.2017: 10, 12, 16, 20].

¹¹⁴ По мнению А.Г. Аганбегяна, «...общая задача, поставленная перед Дальним Востоком, — развитие всей экономической системы, характеризующее темпами роста валового регионального продукта, весьма далека от решения» [Аганбегян 2019:167]. При этом А.Г. Аганбегян отметил еще один, скажем так, парадокс: «высокая норма инвестирования сочетается с низкими темпами социально-экономического развития. [Аганбегян 2019: 168].

¹¹⁵ Говоря об институциональных новациях, мы имеем в виду, не только Министерство по развитию ДВ, но и инициированные им законодательные акты по введению особых налоговых режимов (ТОСЭРЫ, Свободный порт Владивосток, «дальневосточный гектар» и пр). Увы, но в подавляющем числе случаев оценки экспертов этих начинаний весьма скептические. Только один пример такого рода оценок: «Министерству по развитию Дальнего Востока России, созданному в 2012 г., нечем похвастаться в своей работе. Пока он не выполнил своей основной функции — сделать регион привлекательным как для бизнеса, так и для населения. До сих пор нет четкого понимания, на сотрудничество с какими странами следует ориентироваться Дальнему Востоку, а инвестиционный климат остается неблагоприятным для иностранных инвесторов». [Development of Russian—Chinese Trade, Economic, Financial and Cross-Border Relations. 2015:19].

¹¹⁶ [Блакисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р. 2028:8].

¹¹⁷ Там же. С. 8.

¹¹⁸ Там же. С. 11.

¹¹⁹ Шаолэй и Ц. Хэн Ц.

¹²⁰ Шаолэй и Ц. Хэн Ц. 2018:18.

¹²¹ Шаолэй и Ц. Хэн Ц. 2018:20.

¹²² Шаолэй и Ц. Хэн Ц. 2018:24.

¹²³ Хотя в начальный постсоветский период подозрительное отношение России к Китаю, отмечали не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Так, И.Бонд отмечает, что в этот период «Москва беспокоилась о китайском проникновении в Сибирь и на Дальний Восток России и сознательно поощряла западные и даже японские инвестиции в нефтяные и газовые месторождения в этих районах, вместо того чтобы позволить Китаю, иметь значительную долю в нефтегазовых проектах. Эта сдержанность в значительной степени исчезла, и в последние годы Россия активно искала китайских инвестиций в дорогостоящие проекты по освоению удаленных месторождений в Восточной Сибири и на Крайнем Севере (таких как крупное Ванкорское месторождение)» [Bond I. 2016:14].

¹²⁴ [Bond I. 2016:19].

¹²⁵ Development of Russian—Chinese Trade, Economic, Financial and Cross-Border Relations 2015:19.

¹²⁶ Тренин Д. 2012: 13.

¹²⁷ Там же. С. 23.

¹²⁸ Напомним, что изначально Поворот на Восток преследовал две цели: увеличить национальные доходы от экспорта за счет выхода на азиатские рынки и повысить благосостояние населения Дальнего Востока за счет создания новых рабочих мест и улучшения местной инфраструктуры, чтобы обратить вспять убыль населения. В свое время С. Фортеस्कью предположил, что реализация первой цели, скорее всего, «приведет к политике, ориентированной на экспорт природных ресурсов, в том числе из многих из источников, не находящихся на Дальнем Востоке; второй подход, ориентированный на производство, базирующееся на Дальнем Востоке и обеспечивающий больше рабочих мест, чем может дать эксплуатация ресурсов» [Fortescue S.2016: 49]. Как отмечал С. Фортеस्कью «Эти две цели не исключают друг друга, но между ними существует явная напряженность» [Fortescue S.2016: 49]. Сейчас можно констатировать, что напряженность разрешилась в пользу достижения первой цели.

¹²⁹ Авторы отдают себе отчет, что это не лучший термин, но что есть то есть.

¹³⁰ Свой вклад в рост неопределенности вносит (как это не покажется парадоксальным) и выбор РФ в пользу углубления партнерских отношений с КНР, вплоть до отождествления своих интересов на глобальном уровне с интересами Китая, тем самым «сея недоверие среди большого числа азиатских государств, которые видят в Китае потенциальную угрозу своим интересам» [Mankof J. 2015: 68].

¹³¹ [Демьяненко А.Н. 2016:8].

¹³² Помимо многочисленных журнальных публикаций, прежде всего (но не исключительно) на страницах журналов «Пространственная экономика» и «Регионалистика» особого упоминания заслуживают коллективные монографии [Минакир П.А. 2006; 2010; Минакир П.А., Прокапало О.М. 2010; Синтез научно-технических и экономических прогнозов. 2011; Тихоокеанская Россия — 2030. 2010; Экономическая интеграция. 2004], в написании которых принимали участие представители целого ряда академических институтов.

¹³³ [Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке. 2013; К Великому океану, или новая глобализация России. 2012; К Великому Океану — 2. 2014; К Великому океану — 3, 2015; К Великому океану — 4: 2016; К Великому океану: хроника поворота на Восток. 2019; К Великому океану — 5: 2017; Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. 2001].

¹³⁴ [Бляхер Л. Е и др. 2021; Вирт, 2003; Китинг, 2003; Keating, 2016; Стрелецкий В.Н., 2011; Agnew J. 2018;2012; Borzel Т.А., 2011; Hettne В., Soderbaum F. 1998; Jones M., Paasi A, 2013; Paasi A. 2022;2021; 2011; 2010; 1991; Paasi A., Metzger, 2017; Pietrasiak M. 2016; Sederbaum F. 2021; Sohn 2018].

¹³⁵ Бакланов П.Я. 2008; Baklanov P.Y., MoshkovA.V. 2015; Бакланов П.Я., Ганзей С.С. 2004. № 4.

¹³⁷ Лефевр А. 2015.

¹³⁸ Урри Д. 2012.

¹³⁹ Гиденс Э. 2018.

¹⁴⁰ Bousquet A., Curtis S. 2011

¹⁴¹ Acharya A. 2007, 2014; Acharya A., Buzan B. 2007; Burchill S. et al. 2005; Jackson R., Sørensen G. 2013;

¹⁴² О теории сложности: Montuori A. 2009; 2022; Morin E. 2005; Gershenson C., Heylighen F. 2005; Preiser R. et al. 2013; Rasch W. 1991; Richardson K., Cilliers P. 2001.

¹⁴³ См., например, Урри Д. 2019; Manson S., O'Sullivan D. 2006; O'Sullivan D., Manson S.M., Messina J.P., Crawford T.W. 2006.

¹⁴⁴ Вирт Л. 2003; Китинг М. 2003; Borzel T. A. 2011; Bristow G. 2018; Hettne B., Soderbaum F. 1998; Jessop B., Brenner N., Jones M. 2008; Soderbaum F. 2021;

¹⁴⁵ Sohn C. 2018.

¹⁴⁶ Блаккисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р. 2018; Blakkisrud H. A. 2018; Blakkisrud H., Wilson Rowe E. 2018; Bond I. 2016; China—Russia Relations and Regional Dynamics. 2017; Kaczmariski M. 2013; Kaczmariski M. Et al. 2018; Lubina M. 2017, 2018; Nuutilainen R., Rautava J. 2020; . Wishnick E. 2016, 2018.

¹⁴⁷ Fortescue S. 2016; Lo B. 2020;

¹⁴⁸ В отечественной литературе до сих пор существует несколько вариантов перевода “theory of complexity” даже, когда речь идет о работах одного и того же автора, например, Д.Урри. В одном случае это теория комплексности [Мобильности, 2012], а в другом теория сложных систем [Как выглядит будущее? 2019].

¹⁴⁹ «...подлинной науки о международных отношениях нет ни на Западе, ни на Востоке, а теорий существует великое множество и там, и здесь» [Арин 2013: 55].

¹⁵⁰ [Agnew J. A. 2012, 2018; Jones M., Paasi A. 2013; Murphy A. B., et al. 2015; Paasi A. 1991, 2010; Paasi A., Metzger J. 2017] Тот факт, что «регион» все чаще воспринимается в качестве социального конструкта вовсе не означает полного отказа от «материальности» региона. Более того, в последние годы все чаще и все более аргументировано обосновывается тезис согласно, которому регион имеет гибридную природу.

¹⁵¹ См.: [Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР; Синтез научно-технических и экономических прогнозов — 2050: 2011; Тихоокеанская Россия — 2030: 2010; Экономическая интеграция: 2004].

¹⁵² Хотя в практике отечественного стратегического планирования сложилась недобрая традиция рассматривать для всех и вся три варианта достижения будущего, причем, как правило, один из них инерционный (?), а еще два один лучше другого. Не вдаваясь в детали отметим, что такой подход к разработке стратегий плохо согласуется с теорией и практикой регионального стратегирования. Подробно, см.: [Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. 2016].

¹⁵³ О трансграничных экосистемах и природопользовании в бассейне Амура: [Геоэcosystemы Дальнего Востока России на рубеже XX—XXI веков: в 3 т. Т. 2. Природные ресурсы и региональное природопользование. Владивосток: Дальнаука, 2010].

ЛИТЕРАТУРА

---

1. **Аблова Н.Е.** КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Автореф. дис. д.и.н. М.: Институт Дальнего Востока, 2005.
2. **Аганбегян А.Г.** Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165—187.
3. Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: к итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума. М.: Спецкнига, 2013. — 32 с.
4. **Александрова М.В., Коханова В.С.** Особенности экономического районирования в КНР (1949—1990 годы) // *Восточная Азия: факты и аналитика* 2020. № 4. С. 6—20.
5. **Алексеев В.В.** Опыт освоения Сибири как предмет исторического исследования / Исторический опыт освоения Сибири. Выпуск 2. Новосибирск, 1886. С. 3—4.
6. **Алексеев В.В., Василевский Р.С., Горюшкин Л.М.** Изучение исторического опыта освоения Сибири // *Известия СО АН СССР. Серия история*. 1986. Выпуск 2. С. 41—54.
7. **Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.** Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века. М.: Наука, 2004.
8. **Анучин В. А.** Географические очерки Маньчжурии. М.: Географгиз, 1948.
9. **Арин О.А.** От Сунь Цзы до Джозефа Ная. Китай осмысливает теории международных отношений // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 5. С. 55—61.
10. **Бакланов П.Я.** Трансграничные территории: проблемы рационального природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 215 с.
11. **Бакланов П.Я., Ганзей С.С.** Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2004. № 4. С. 27—34;

12. **Блакисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р.** Дальневосточные инициативы России во времена геополитических потрясений. М., 2018. 11 с.
13. **Бляхер Л.Е.** Региональные бароны // Отечественные записки. 2012. С. 305—311.
14. **Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л.** Город в тени империй: жизнь, смерть и послемертие «имперского города» Харбина // Полития. 2022. № 1. С. 131—161.
15. **Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф.** Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67—76.
16. **Вирт Л.** Локализм, регионализм и централизация // Логос. 2003. № 6. С. 53—66.
17. **Витте С.Ю.** Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2004. 647 с.
18. **Вишневский Д. С., Демьяненко А. Н.** Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С.6—31.
19. **Вперёд к Великому океану — б:** люди, история, идеология, образование. Путь к себе. М.: 2018. 64с.
20. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX-XXI веков: в 3 т. Т.2. Природные ресурсы и региональное природопользование. Владивосток: Дальнаука, 2010. 560 с.
21. **Гидденс Э.** Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018. — 528с.
22. **Горюшкин Л.М.** Предисловие / Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Новосибирск, Наука, 1988. С. 5—10.
23. **Граве В.В.** Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье /Труды Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб, 1912. 464 с.
24. **Демьяненко А.Н.** О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5—20.
25. **Демьяненко А.Н.** Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 5. С. 5—19.
26. **Демьяненко А.Н.** О стратегических инициативах по развитию Дальнего Востока России в контексте исторического опыта // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 3. С. 6—13.
27. **Демьяненко А.Н.** Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке Росси. Владивосток, Дальнаука, 2003. 284 с.
28. **Демьяненко А.Н.** Исследование исторического опыта территориальной организации советского общества в 20-е годы. Препринт научного доклада. Л.: ИСЭП, 1991. 52 с.

29. **Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.** Общий замысел Амурской экспедиции 1910. Краткий обзор «Трудов командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции / Антология экономической на Дальнем Востоке. Выпуск 3. Амурская экспедиция 1910. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. С. 13—30.
30. **Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.** Введение / Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой. Хабаровск: РИОТИП, 2009. С. 13—28.
31. **Демьяненко А.Н., Изотов Д.А.** Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 43—61.
32. **Демьяненко А.Н., Горюнов А.П., Кондратенко Г.В., Исаев А.Г.** Особенности регионального развития на северо-востоке КНР // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 80—96.
33. **Джессоп Б.** Государство: прошлое, настоящее, будущее. М.: Дело, 2019. 504 с.
34. **Елисеефф В., Елисеефф Д.** Цивилизация классического Китая. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 640 с.
35. **Жигалов Б.С.** КВЖД в дальневосточной политике России (1906—1914 гг.) // Вестник Томского Государственного Университета. История. 2008.
36. **Изотов Д.А.** Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2020. 368 с.
37. **Изотов Д.А.** Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 48—70.
38. Интересы России в азиатско-тихоокеанском регионе: безопасность и развитие. Итоги первого азиатско-тихоокеанского форума. М.: Проспект, 2012. 33 с.
39. **Исаченко А.Г.** Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во СПбУ, 2008. 320 с.
40. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.) М.: Наука, 1990. 471 с.
41. История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 — начало 1941 года / Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.
42. История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старо промышленной базы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с.
43. История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн.4. Северо-Восточный Китай в 1979—1999 гг. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 452 с.
44. К Великому океану, или новая глобализация России. М.: 2012. 72 р.

45. К Великому Океану — 2, или российский рывок к Азии. М.: 2014. 76 р.
46. К Великому океану — 3 Создание Центральной Евразии. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств. М., 2015. 26 р.
47. К Великому океану — 4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи. М.: 2016. 36 с.
48. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с.
49. К Великому океану — 5: от поворота на Восток к Большой Евразии. М.: 2017. 47 с.
50. **Караганов С.А.** Введение // К Великому океану — 4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи. М.: 2016. С. 5—6.
51. **Караганов С.А.** Россия — возвращается домой (вместо предисловия) / Россия в формирующейся Большой Евразии. Вопросы географии Сб.148. М.: Кодекс, 2019. С. 9—15.
52. **Караганов С.А.** Сибирь — исток и будущее нашего величия как державы / Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири / Вопросы географии. Сб. 154. 2022. С. 17—27.
53. **Киреев А.А.** Понятие приграничного сотрудничества / Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. С. 9—13.
54. **Китинг М.** Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67—116.
55. Колонизационно-экономические задачи железных дорог (в связи с колонизационной работой Мурм. ж.д.). Доклад Г.Ф. Чиркина на заседании Колонизационной Секции Промэкономсовета и Особого Совещания по восстановлению основного капитала ВСНХ СССР и прения по докладу. Стенографический отчет. Л.: 1926.
56. **Колосовский Н.Н.** Перспективы хозяйства Дальнего Востока // Бюллетени Госплана. 1923. № 11—12. С. 102—110.
57. **Колосовский Н.Н.** Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. — 1925. № 5. С. 236—246.
58. **Корелин А.П., Степанов С.А.** С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М.: Терра, 1998. 464 с.
59. **Котляков В.М., Шупер В.А.** Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век / Россия в формирующейся Большой Евразии. Вопросы географии Сб.148. М.: Кодекс, 2019. С. 357—372.
60. **Котляков В.М., Шупер В.А.** Предисловие / Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири / Вопросы географии. Сб. 154. 2022. С. 11—16.

61. **Коуз Р., Ван Н.** Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. — 386 с.
62. **Лефевр А.** Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelke Press, 2015. 432 с.
63. **Ли Е.Л., Демьяненко А.Н.** Амурская экспедиция 1910 года: опыт организации статистико-экономического обследования казачьих и крестьянских хозяйств Амурской области // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 125—133.
64. **Лукоянов И.В.** Сибирская железная дорога / Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2004.
65. **Лукоянов И.В.** «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008.
66. **Маклюков А.В.** Экспедиционные исследования энергетических ресурсов бассейна р. Амур 1930—1950-х гг. // *Россия и АТР*, 2019. № 2. С.104—117.
67. **Минакир П.А.** Исследование экономики Дальнего Востока. 1975—2000. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 912 с.
68. **Минакир П.А.** Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016—1029
69. **Минакир П.А.** Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
70. **Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П.** Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 4. С. 43—54.
71. **Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М.** Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 1. С. 66—99.
72. **Минакир П.А., Прокапало О.М.** Региональная экономическая динамика. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. 304 с.
73. **Мир после войны:** дальневосточное общество в 1945—1950-е гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Вашук. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
74. **Митинский А.Н.** Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб, 1911. 284 с.
75. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. 2019. М.: Стратегические изыскания. 736 с.
76. Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Часть 1. М.: 2001. 73 с.
77. **Полян П.М.** Очерк истории русской центрографии / География и хозяйство. Вып.3. Центрографический метод в экономической географии. Л.: Изд-во ГО СССР, 1989. С. 21—33.

78. **Ремнев А.В.** Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.

79. **Романов Б.А.** Россия в Маньчжурии (1892—1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

80. **Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. Г.** Китайско-Восточная железная дорога — историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. 2016.

81. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.

82. Стратегия для России: повестка для президента-2000. М.: Вагриус, 2000. 352 с.

83. **Стрелецкий В.Н.** Географическое разнообразие, регионализм и регионализация / Разнообразие как фактор и условие территориального развития. Сборник статей. Часть I. Главы 1—3. М.: Эслан, 2014. С. 25—46.

84. **Схиммельпенник ван дер Ойе Д.** Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

85. Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.

86. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.

87. **Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В.** Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8—21.

88. **Тренин Д.** Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М., 2012. 74 с.

89. **Урри Д.** Как выглядит будущее? М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 320 с.

90. **Ури Дж.** Мобильности М.: Праксис, 2012. 576 с.

91. **Целищев М.** Проблема транспортной колонизации // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926.

92. **Чиркин Г.Ф.** Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат Мурманской жел. дор. его возникновение, развитие и метод работы. М.-Л.: 1928. 135 с. + картосхема.

93. **Шаолэй Ф., Хэн Ц.** Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы. М.: 2019. 24 с.

94. **Швецов А.Н.** Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преоб-

разований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. 2021. № 6. С. 66—100.

95. **Швецов А.Н.** Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // *Пространственная экономика*. 2015. № 1. С. 38—61.

96. **Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н.** Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2): от общего к частному // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 6. С. 69—80.

97. **Шликевич С.П.** Колонизационное значение земледелия в Приамурье / *Труды Амурской экспедиции*. Вып.5. СПб.: 1911. 142с.

98. *Экономическая интеграция: пространственный аспект*. М.: Экономика, 2004. 352 с.

99. **Acharya A.** Thinking Theoretically about Asian IR // *International Relations of Asia*, edited by David Shambaugh, and Michael Yahuda. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. Pp. 59—89.

100. **Acharya A.** The Emerging Regional Architecture of World Politics // *World Politics*, 2007, № 4. P. 629—652.

101. **Acharya A., Buzan B.** Conclusion: On the possibility of a non-Western IR theory in Asia // *International Relations of the Asia-Pacific Volume 7 (2007)* 427—438.

102. **Agnew J. A.** Evolution of the regional concept / *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* / Edited by Anssi Paasi, John Harrison and Martin Jones. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2018. Pp. 23—33.

103. **Agnew J. A.** Arguing with Regions // *Regional Studies*, 2012. Pp. 1—12.

104. **Baklanov P.Y., Moshkov A.V.** Environmental Change and the Social Response in the Amur River Basin / Shigeko Haruyama, Takayuki Shiraiwa Editors. Springer Japan, Tokyo: 2015. p. 1—35

105. **Blakkisrud H.** An Asian Pivot Starts at Home: The Russian Far East in Russian Regional Policy/ *Russia's Turn to the East. Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / Edited by Helge Blakkisrud, Elana Wilson Rowe. Palgrave, 2018. Pp. 11—30.

106. **Blakkisrud H., Wilson Rowe E.** Gateway or Garrison? Border Regions in Times of Geopolitical Crisis / *Russia's Turn to the East. Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / Edited by Helge Blakkisrud, Elana Wilson Rowe. Palgrave, 2018. Pp.1—9.

107. **Bond I.** Russia and China. Partners of choice and partners of choice and necessity? London: Centre for European Reform, 2016. 54 p.

108. **Borzel T. A.** Comparative Regionalism: A New Research Agenda. KFG Working Paper Series, No. 28, August 2011, Freie Universitat Berlin. 37 p.

109. **Bousquet A., Curtis S.** Complexity theory, systems thinking and international relations // *Cambridge Review of International Affairs* (2011) 24(1). Pp. 43—62.
110. **Bristow G.** New regionalism / *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* / Edited by Anssi Paasi, John Harrison and Martin Jones. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2018. Pp. 67—78.
111. **Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnelly J., Paterson M., Reus-Smit C., True J.** *Theories of International Relations* Third edition. New York: Palgrave Macmillan, 2005. — X+310 p.
112. **Cartier C.** Origins and Evolution of a Geographical Idea. The Macroregion in China // *Modern China*, Vol. 28 No. 1, January 2002 79—143.
113. *China—Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy* / edited by Lora Saalman. Solna: SIPRI, 2017. 126 p.
114. **Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N.** The myth and reality of the Russian Far East as economic system // *Proceedings of the International Scientific Conference “FarEastCon” (ISCFEC 2020)*. Серия: *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vladivostok, 2020.
115. *Development of Russian—Chinese Trade, Economic, Financial and Cross-Border Relations: Working Paper 20/2015* / [V.E. Petrovsky et al.]; RIAC. — Moscow: Spetskniga, 2015. 36 p.
116. **Fortescue S.** Russia's economic prospects in the Asia Pacific Region // *Journal of Eurasian Studies* 7 (2016) 49—59.
117. **Gershenson C., Heylighen F.** How can we think the complex? / *Managing organizational complexity : philosophy, theory and application* / editor, Kurt Richardson. Greenwich: Information Age Publishing, 2005. Pp. 47—62.
118. **Hettne B., Soderbaum F.** The New Regionalism Approach// *Politeia*, Vol 17, No 3 (1998) [Pre publication manuscript] — 18 p.
119. **Jackson R., Sørensen G.** *Introduction to International Relations. Theories and Approaches*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 348 p.
120. **Jessop B., Brenner N., Jones M.** Theorizing sociospatial relations // *Environment and Planning D: Society and Space* 2008, volume 26, pages 389—401.
121. **Jones M., Paasi A.** Regional World(s): Advancing the Geography of Regions // *Regional Studies*, Vol. 47.1, January 2013. Pp.1—5.
122. **Kaczmarek M.** *The Bear watches the Dragon. The Russian debate on China*. Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2013. 40 p.
123. **Kaczmarek M., Katz M.N. and Tiilikainen T.** *The Sino-Russian and US-Russian Relationships. Current developments and future trends*. FIIA Report 2018, № 57, Finnish Institute of International Affairs. 123 p.
124. **Keating M.** Contesting European regions // *Regional Studies*. 2016. Pp. 1—10.

125. **Korhonen L., Heli Simola N.** How important are Russia's external economic links? // BOFIT Policy Brief 2/2022. 14 p.
126. **Korolev A., Portyakov V.** China-Russia Relations in Times of Crisis: A Neoclassical Realist Explanation // *Asian Perspective*, Vol. 42, No. 3 (July–September 2018). Pp. 411–437.
127. **Köstem S.** Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // *Kennan Cable*. No. 40 (February) 2019. 9 p.
128. **Littlefield A.** State Behavior and Regional Identity: The Case of China and East Asia // *Asia-Pacific Social Science Review* 12:2 (2012). Pp. 50–61.
129. **Lo B.** The Sino Russian partnership and global order // *China International Strategy Review* (2020) 2:306–324.
130. **Lubina M.** The Ukrainian Crisis as a Case Study of Different Policymaking Styles of Russia and China // *Polish Political Science Yearbook*, vol. 48(4) (2018). Pp. 694–705.
131. **Lubina M.** *Russia and China: A political marriage of convenience — stable and successful.* Opladen, Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers, 2017. 325 p.
132. **Lukin A., Novikov D.** Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? / Diesen, G., Lukin, A. (eds) *The Return of Eurasia.* Palgrave Macmillan, Singapore, 2021. Pp. 33–78.
133. **Mankof J.** Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // *Asia policy*, № 19 (january 2015), 65–87.
134. **Manson S., O'Sullivan D.** Complexity theory in the study of space and place // *Environment and Planning A* 2006, volume 38, pages 677–692.
135. **Montuori A.** *General Systems Theory / International Encyclopedia of Organization Studies.* 2007. SAGE Publications. 1 Mar. 2009.
136. **Montuori A.** *Complexity / The Palgrave Encyclopedia of the Possible/* Editors Vlad Petre Glaveanu. Palgrave Macmillan, 2022. 16 p.
137. **Morin E.** *Restricted Complexity, General Complexity / Presented at the Colloquium “Intelligence de la complexite: 'epist'émologie et pragmatique”,* Cerisy-La-Salle, France, June 26th, 2005. 25p.
138. **Murphy A. B., Paasi A., Entrikin, J. N., Macleod G., Jonas A. E.G, and Hudson R.:** *Bounded vs. Open regions, and beyond: critical perspectives on regional worlds and words. / Edited by Martin Jones & Anssi Paasi. Regional Worlds: Advancing the geography of regions.* London: Routledge, 2015. 5–16 pp.
139. **Nuutilainen R., Rautava J.** Russia and the slowdown of the Chinese economy // BOFIT Policy Brief 2020 No. 2. 17 p.
140. **O'Sullivan D., Manson S.M., Messina J.P., Crawford T.W.** Space, place, and complexity science // *Environment and Planning A* 2006, volume 38, pages 611–617.
141. **Paasi A.** *Examining the persistence of bounded spaces: remarks on regions, territories, and the practices of bordering // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography.* 2022. Pp. 1–18.

142. **Paasi A.** From bounded spaces to relational social constructs: conceptualization of the region in geography / *The Multidimensionality of Regions in World Politics* / Kohlenberg Paul and Nadine Godehardt (eds.) New York: Routledge, 2021. 19 p.
143. **Paasi A.** The region, identity, and power // *Procedia Social and Behavioral Sciences* 14 (2011) 9–16.
144. **Paasi A.** Regions are social constructs, but who or what 'constructs' them? Agency in question // *Environment and Planning A* 2010, volume 42, pages 2296–2301.
145. **Paasi A.** Deconstructing regions: notes on the scales of spatial life // *Environment and Planning A*, 1991, volume 23, pages 239–256.
146. **Paasi A., Metzger J.** Foregrounding the region // *Regional Studies*, 2017. Vol. 51, № 1, 19–30.
147. **Pietrasiak M.** Building the Diverse Community. Beyond Regionalism in East Asia. Region, regionalism, regionalization — definitions, settlements and research field / *Building the Diverse Community. Beyond Regionalism in East Asia* / edited Dominik Mierjewski and Grzegorz Bywalec. Lodz: Wydawnictwo Uniwersytetu Lodzkiego, 2016. Pp. 9–19.
148. **Preiser R., Cilliers P., Human O.** Deconstruction and complexity: a critical economy // *South African Journal of Philosophy*, (2013) 32:3, 261–273.
149. **Söderbaum F.** Comparative Regionalism. 2021. 16 p.
150. **Rasch W.** Theories of Complexity, Complexities of Theory: Habermas, Luhmann, and the Study of Social Systems // *German Studies Review*, Vol. 14, No. 1 (Feb., 1991). Pp. 65–83.
151. **Richardson K., Cilliers P.** Special Editors' Introduction: What Is Complexity Science? A View from Different Directions // *EMERGENCE*, 2001. 3(1), 5–23.
152. **Sohn C.** Cross-border regions / *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* / Edited by Anssi Paasi, John Harrison and Martin Jones. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2018. Pp. 298–310.
153. **Trenin D.** From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. Carnegie Moscow Center, 2015. 21 p.
154. **Trenin D.** The End of EURASIA: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. Carnegie Moscow Center, 2002. 340 p.
155. **Wishnick E.** The Sino-Russian Partnership and the East Asian Order // *Asian Perspective* 42 (2018), 355–386.
156. **Wishnick E.** In search of the 'Other' in Asia: Russia—China relations revisited // *The Pacific Review*, (2016). 19 p.

Научное издание

**Российско-китайское сотрудничество
в новых реалиях:
региональное измерение**

Препринт научного доклада

**Александр Николаевич Демьяненко
Илдус Файзрахманович Ярулин
Михаил Владимирович Бурик
Максим Вадимович Клиценко**

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Оформление *Т.В. Иванишиной*

Подписано в печать 28.12.2022. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 4,36. Уч.-изд. л. 4,8.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 50 экз.)

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.icca-ras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5